

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 9 (6416) 2018

ДӨНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарами в 985 году («Повесть временных лет»)

Художник Харис Якупов «На мостках»

Я вырос на
песнях
бабушки

с. 3

Театр от меня
не отстает...

с. 8

С днем рождения, столица с. 4-5

Есть район вблизи Казани... с. 11

Не поверишь,
долг
отдали...

с. 12-13

Роберт Миннуллин

***

Как ветер и как птица,
Как бури и дожди,
Душа моя резвится
И плещется в груди.

Ей чудятся метели,
Волна сечет волну,
Хотя на самом деле
Она в моем плену.

Душа!
Будь человеческой
На страждущей земле,
Чтоб не остаться вечно
У тела в кабале,

Чтоб не ходить кругами
И с круга не сойти,
И добрыми делами
В грядущее войти!

Перевод с татарского В. Коркия

Стала доброй традицией проведение в Москве Дней культуры Татарстана.

В этом году стартовали Дни в книжном магазине «Библио-Глобус», где прошла презентация книги Андрея Ершова «Модерн в архитектуре Казани». Мероприятие со вступительным словом открыл Полномочный представитель Татарстана Равиль Ахметшин.

Р.К. Ахметшин подарил магазину книги о первом Президенте Татарстана Минтимере Шаймиеве, генерале армии Махмуде Гарееве, кардиохирурге Ренате Акчури-не и оперном певце Фёдоре Шалапине. Также на встрече присутствовали председатель Союза писателей Татарстана Данил Салихов, народные поэты Республики Татарстан Ренат Харис и Роберт Миннуллин, председатель Союза композиторов России и Татарстана Рашид Калимуллин, главный редактор газеты «Татарский мир» Ринат Мухаммадиев и другие.

А спустя несколько часов в Татарском культурном центре Москвы прошла творческая встреча с народными поэтами республики. Перед жителями и гостями столицы выступили гости из Казани Данил Салихов, Ренат Харис, Равиль Файзуллин и Роберт Миннуллин.

Фото на память у памятника Габдуллы Тукая

Здесь же прошел концерт, посвященный памяти Альфины Авзаловой. Свое творчество представили народная артистка России и Татарстана Венера Ганиева, заслуженные артисты Татарстана Марсель Вагизов и Алина Шарипзянова, лауреат российских и международных конкурсов Ильнар Миронов, Государственный ансамбль песни и танца Республики Татарстан и другие артисты.

В завершающий день на Даниловском мусульманском кладбище был открыт памятник известному журналисту-международнику и востоковеду-арабисту, одному из основателей нашей газеты Фариду Мустафьевичу Сейфуль-Мулюкову. Памятник установлен Республикой Татарстан. В церемонии открытия приняли участие заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – Полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин,

Участники и гости дней культуры: (слева направо стоят) Алмаз Файзуллин, Роберт Нигматулин, Ильдар Габитов, Азат Ахтареев, Фарит Фарисов; (сидят) Ринат Мухаммадиев, Роберт Миннуллин, Ренат Харис, Венера Нигматулина, Равиль Файзуллин, Данил Салихов

первый заместитель председателя Гостелерадио СССР Валентин Лазуткин, заместитель гендиректора, руководитель регионального департамента ВГТРК Рифат Сабитов, первый заместитель Председателя Совета муфтиев России Рушан хазрат Аббясов, коллеги, друзья и семья журналиста.

Затем общественность города почтит память великого татарского поэта Габдуллы Тукая. Цветы к его памятнику на Новокузнецкой улице вместе с представителями правительства Москвы возложил президент республики Татарстан Рустам Минниханов.

Торжественное закрытие Дней культуры Республики Татарстан в Москве прошло в Светлановском зале Московского международного Дома музыки.

В мероприятии приняли участие Мэр Москвы Сергей Собянин, Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, заместитель Премьер-министра РТ – Полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин, заместитель премьер-министра РТ, председатель совета «Милли Шура» Всемирного конгресса татар Васил Шайхразиев, Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, послы многих зарубежных стран и полномочные представители регионов.

Почетным гостем вечера стал генерал армии, Президент Академии военных наук России Махмуд Гареев. В июне текущего года ему исполнилось 95 лет. С поздравления юбиляра руководителями двух регионов и началась праздничная программа.

Гостями вечера также стали Герой Советского Союза и первый Герой Российской Федерации, летчик-космонавт Сергей Крикалёв, генеральный директор Государственной Третьяковской галереи Зельфира Трегулова, российский художник-модельер Вячеслав Зайцев, народный артист России Алексей Гуськов, народный артист России и Татарстана Ренат Ибрагимов и другие.

Сергей Собянин в своем приветственном слове отметил, что для Москвы Дни культуры Татарстана: «Это действительно большое событие, не только потому, что оно насыщено множеством культурных мероприятий, но и большое событие потому, что к нам приехали друзья. Скоро в Москве откроется большая ветка метро, одна из самых крупнейших в Москве. Хотел бы поблагодарить метростроителей из Республики Татарстан, которые приняли активное участие в её строительстве...».

В свою очередь Рустам Минниханов подчеркнул, что для татарстанцев находится в Москве - большая честь. «Москва является примером для нас по многим проектам. Мы гордимся и любим нашу Москву, желаем дальнейшего процветания нашей столице. Москва - стратегический для нас рынок. Более 70 млрд. рублей нашей продукции перемещается сюда. И я надеюсь, что мы и дальше будем увеличивать объемы», - сказал Рустам Нургалиевич.

В знак признания заслуг Сергей Собянин и Рустам Минниханов вручили награды и благодарственные письма москвичам, внесшим большой вклад в социально-экономическое развитие столицы России и республики Татарстана. Торжество продолжилось грандиозной концертной программой, в которой выступили Альбина Шагимуратова, Алсу, Римма Ибрагимова, Алина Шарипжанова, Марсель Вагизов, Альберт Жалилов и многие другие прославленные исполнители.

АЛМЕТЬЕВСК

В Центральной библиотеке им. С. Сулеймановой г. Альметьевска состоялась литературная встреча с народным писателем, лауреатом премии им. Г. Тукая, неоднократным победителем конкурса «Книга года» Фоатом Садриевым. На встрече присутствовали: писатели, библиотекари, а также актеры альметьевского драматического театра, актеры народного театра села Надьрово...

На мероприятии речь шла о многогранном творчестве писателя Ф. Садриева. Зрителям были предложены музыкальные номера, театральные постановки. Звучали выступления писателей, театральных деятелей и творческой интеллигенции города. В завершении мероприятия выступил сам Фоат Миннахметович. Он поделился своими творческими планами и поблагодарил всех за теплую встречу.

Альбина Шагимуратова

Выступает Фоат Садриев, слева поэт Клара Булатова

В ЗАЩИТУ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

В стране нужно возрождать программу сохранения национальных языков, работавшую в советское время. Об этом заявил президент России Владимир Путин на молодежном образовательном форуме «Машук» в Пятигорске.

Путин затронул эту тему после того, как участники форума рассказали ему о проектах по сохранению языков, разрабатываемых вместе с артистами национальных театров, педагогами и литераторами, пишет «Коммерсантъ».

«Очень важно и очень интересно, потому что каждый год в мире пропадает большое количество языков, наречий и так далее. Литература исчезает», — цитирует президента РФ ТАСС.

Путин отметил, что в советские годы действовали специальные программы по сохранению национальных языков.

«Сейчас, конечно, нужно это все возрождать, причем на современной, новой основе», — сказал глава государства.

ТЮМЕНЬ

Выставка «Байрам: реликвии и традиции», посвященная культуре сибирских татар, открылась в музейном комплексе им. И. Я. Словоцова в Тюмени. В экспозиции уникальные предметы, имеющие отношение к многовековой истории ислама и богатой культуре татарского народа. Одним из центральных экспонатов стала священная реликвия мусульман «Волос Пророка Мухаммада». Ее появление в Тюменской области связывают с именем купца и мецената Нигматуллы хаджи Кармышакова-Сейдукова. Музейную выставку дополняет книжный раздел из фондов Тюменской областной научной библиотеки им. Д. И. Менделеева «Мир татарской культуры», отражающий особенности национальной истории, литературы, музыки, костюма, орнамента и кухни.

ВСЕМИРНЫЙ ФОРУМ ТАТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В августе в Казани прошел VIII Всемирный форум татарской молодежи, собравший более 1000 делегатов из 30 стран и 60 регионов России. Одной из самых больших делегаций стала московская (73 делегата).

Насыщенная программа форума включала как рабочие сессии, так и культурные мероприятия. В первый же день делегаты отправились на экскурсию по историческим местам Казани, совершили пешую прогулку по Старо-Татарской слободе.

Второй и третий день форума были посвящены обмену опытом в реализации молодежных проектов между делегациями. В холле гостиницы «Корстон» была организована аллея проектов, где делегаты презентовали свои работы перед официальными гостями пленарного заседания, среди которых были заместитель премьер-министра РТ, председатель национального совета Всемирного конгресса татар Василь Шайхразиев и другие.

Почти каждый третий проект был представлен ребятами из Москвы. Среди них: конкурс молодежных проектов «Хэрэкэт», мобильное приложение «ТатАр», молодежный портал tatyashlare.ru и другие. Далее были организованы проектные сессии по округам, где активная московская молодежь презентовала 10 различных проектов. Модерация сессии Центрального федерального округа проводилась делегатом от Москвы, председателем Совета молодежи при полпредстве РТ в РФ Эмилем Файзуллиным.

На дискуссионных площадках Форума московская делегация принимала активное участие в обсуждении насущных проблем языка, истории татарского народа, помогала в организации работы по послам ВФТМ в различных регионах и странах.

На четвертый день форума участники посетили землю предков современных татар - Древний Болгар и знаменитую Белую мечеть. Там была проведена экскурсия по музею, развалинам древнего города, восстановленным останкам Соборной мечети старого города.

В этот же день для делегатов была организована поездка в город Арск, где их ждали гостеприимные жители и национальный праздник «Сабантуй».

В последний день Форума прошла ярмарка «Печен базары», в которой приняли участие дизайнеры, производители татарской национальной атрибутики из Москвы. Ярмарка сопровождалась творческими мастер-классами по танцам и национальной кухне.

Также в рамках форума прошел полуфинал Международного конкурса «Татар кызы-2018», по результатам которого участница из Москвы Адиля Забирова прошла в финал.

Гульназ Тимуршина, член Совета молодежи при полпредстве РТ в РФ

Моя бабушка пела баиты и мунаджаты...

Рашид Калимуллин - один из немногих российских композиторов, чья музыка постоянно звучит в концертных залах мира. Да он и сам «человек-оркестр»: играет на ударных, на фортепиано, саксофоне, кларнете, баяне, владеет одним из старейших инструментов в мире - австралийским диджериду. В его уникальной коллекции - более полутора тысяч раритетных музыкальных инструментов. Возглавляя Союз композиторов Республики Татарстан с 1989 года, Рашид Калимуллин является инициатором и директором международных фестивалей - японской и татарской музыки, «Муз-транзит», «Европа-Азия». С конца 2015 года он возглавляет Союз композиторов России.

- Рашид Фагимович, поздравляю вас с авторским вечером, по случаю вашего 60-летия в Большом зале Московской консерватории. И сразу же позвольте спросить: остается ли у вас время для творчества, ведь на вас колоссальная административная нагрузка? Вы руководите российским и татарстанским союзами композиторов, являетесь членом Общественного совета при Министерстве культуры России, возглавляете несколько фестивалей. И в целом, нравятся ли вам жить и работать в Москве?

- Москва - город-губка, который впитывает все самое лучшее, все самое интересное и передовое. За три последних года я написал колоссальное количество музыки. Могу сказать, что Москва меня впустила. Я живу на Таганке, просыпаюсь рано и, пока весь город спит, прохожу по 10-15 километров. Эти прогулки вдохновили меня к написанию фортепианных пьес о Москве. Думаю, со временем будет и оркестровая версия. Это 30 очень ярких, эмоциональных пьес, посвященных разным уголкам Москвы - Сокольникам, Измайлово, Красной площади... Недавно закончил писать сборник «Москва спортивная», к созданию которого меня подтолкнул прошедший чемпионат мира по футболу. Столица - красивейший европейский город и неиссякаемый источник вдохновения для меня. Я вижу, как стараются мэр и его команда. Появился грандиозный парк «Зарядье» с великолепным концертным залом, в котором, надеюсь, будут проходить выступления лучших музыкантов России и мира. Я искренне люблю Москву и считаю, что каждый из нас должен вносить лепту в ее развитие. Я, например, высадил у себя во дворе цветы и сортовые кусты сирени и шиповника, каждое утро выхожу поливать их. Надеюсь, мой пример вдохновит молодых людей на что-то подобное.

- В декабре 2015 года вас избрали председателем, а с мая 2017 года председателем правления Союза композиторов РФ, который возглавляли Дмитрий Шостакович, Георгий Свиридов, Родион Щедрин, Владислав Казенин. Однако в последнее десятилетие объединение находилось в затишном кризисе и досталось вам не в лучшем состоянии - с многомиллионными долгами. Какие проблемы удалось решить и какие еще предстоит?

- Если честно, я не стремился к руководству. После смерти нашего руководителя Владислава Викторовича Казенина прошло 2 года, и мы никак не могли выбрать председателя. Мы - руководители регионов, творческих союзов, крупных организаций из регионов России - увидели, что к власти стремятся совсем не те люди, которые не просто продолжат разваливать, а окончательно развалят Союз композиторов. Вот тогда старейшины сказали мне: «Рашид, только ты сможешь. Ты самый успешный среди нас, мы тебе доверяем. Пожалуйста, соглашайся». Я должен был как-то помочь организации выстоять в этот трудный момент и помочь очиститься от случайных людей. Сейчас я могу сказать, что долгов у организации нет. Мы сделали ремонт одного из офисов на Чайнова. У нас появился Совет, руководителем которого стал выдающийся композитор Алексей Рыбников. Мы объединились с Российским музыкальным союзом и возобновили дружбу с Российским авторским обществом. Сегодня Союз - это холдинг, в котором финансово-хозяйственными вопросами занимается Карина Абрамян. Хозяйство нам досталось не малое и страна у нас огромная. Недавно впервые за 20 лет мы провели масштабный по географии и насыщенности Всероссийский фестиваль Союза композиторов, который открылся в Москве и продолжился в 10 городах России.

- Рашид Фагимович, вернемся к творчеству. Обычные слушатели и профессионалы отмечают, что вашим сочинениям присуща яркая национальная самобытность. С чем это связано?

- Ничего удивительного. Моя родина - город Зеленодольск Республики Татарстан. Несмотря на городской уклад нашей жизни, национальное у меня в крови. Раньше у нас на кухне, как и во многих семьях, работало радио. Я с детства слушал песни и произведения выдающихся татарских композиторов - Салиха Сайдашева, Мансура Музафарова, Рустема Яхина, Назиба Жиганова, Рената Еникеева, Василя Ахметова и многих-многих других. Ну и потом на каникулах всегда ездил на родину моих родителей в Апастовский район и слушал народные татарские песни в первоисточнике. Моя бабушка знала огромное количество баитов и мунаджатов. Кстати, многие фольклористы приезжали записывать исполнение моей бабушки. Можно сказать, что я вырос на бабушкиных песнях и сказках. Когда подрастали свои дети, в модернизированном виде пересказывал им эти сказки, приводя их в восторг.

Когда я стал композитором, часто задавался вопросом: по тому ли пути пошла профессиональная музыка в Татарстане? Да, многие из наших композиторов после революции получили блестящее европейское образование, но при этом их творчество потеряло самобытность. Татарская музыка, как и в целом восточная, - протяжная, медитативная. Наш народ любит просторы, степи, и это находит отражение в народном творчестве, которое постоянно вдохновляет. Мной написано несколько линейно-полифонических произведений по мотивам восточной народной музыки. Люди на любом континенте находят в ней что-то близкое и важное.

- У вас есть опыт создания музыки по мотивам якутского эпоса. Балет «Дети Белого солнца» на вашу музыку, поставленный в Национальном театре танца Республики Саха, был признан спектаклем года. Каким образом завязалось ваше сотрудничество с якутским театром?

- Ко мне и к известному балетмейстеру из Санкт-Петербурга Георгию Ковтуну обратился директор якутского театра с просьбой написать балет по мотивам эпоса. Я заинтересовался предложением, поскольку якуты - тюркский народ, у которого, как и у татар, развито тенгрианство. Прежде чем приступить к написанию балета, я скрупулезно изучил культуру и музыкальный инструментариум якутского народа. В основу либретто легла одна из легенд о появлении народа саха на земле. В музыке я не использовал прямого, «глубокого» цитирования якутских мелодий, а работал с собственными темами, опосредованно впитавшими красоту национального мелоса этого удивительного края. Балет имел оглушительный успех у публики.

- Вы продолжаете возглавлять Союз композиторов Татарстана. Здание, в котором находится союз (один из домов знаменитой усадьбы Подруевой-Стахеева), в прошлом году было капитально отремонтировано. Вы довольны изменениями?

- Конечно, доволен. 30 лет в красивейшем здании, которое является памятником архитектуры республиканского значения, не было ремонта. И, конечно, вся музыкальная общественность благодарна президенту Татарстана, правительству и министерству культуры за колоссальный объем реставрационных работ в здании Союза. Сейчас это светлое, прекрасно отремонтированное помещение, в котором созданы все условия для работы с молодежью, проведения концертов и встреч.

- Будущий год для Союза композиторов Татарстана юбилейный - ему исполняется 80 лет. Какие события планируются к этой дате?

- Я вынашиваю идею масштабного фестиваля, который объединит три значимые для нашего народа точки. Это колыбель татарской нации Великий Болгар, родина Габдуллы Тукая деревня Кырлай, и село Кызыл Байрак, где жил и работал Салих Сайдашев. Мы хотим сделать этот фестиваль совместно со всеми творческими союзами республики, во главе которого стояло бы министерство культуры. К сожалению, в последнее время деятельность наших союзов разобщена и нам необходимо снова консолидироваться.

- Есть ли в татарстанском Союзе талантливая молодежь?

- Мы приняли в Союз сразу несколько молодых композиторов. Это Ильдар Камалов, Ильсур Вильгас, Ляйсан Абдуллина... Сейчас свою камерную оперу репетирует способный молодой парень Данияр Соколов - сын известного певца Мнира Соколова. Все ребята очень разные, но очень талантливые. В прошлом году силами татарстанского Союза мы давали концерт в Австралии. На очереди - Новая Зеландия. Для композитора очень важно слышать свою музыку в концертных залах, это как минимум - стимул для творчества. Мы создали ансамбль «Маятник», в котором исполнителями являются сами композиторы. Пожалуй, подобного коллектива больше в России нет. Ребята начали осваивать древние тюркские инструменты. Этот коллектив с успехом выступает на различных фестивалях.

- Раз уж зашла речь о тюркских инструментах, не могли бы вы подробнее рассказать о своей уникальной коллекции?

- Действительно, в течение 35 лет я коллекционирую музыкальные инструменты. Ценность моей коллекции в том, что она представляет собирательный музыкальный образ народов мира. Однажды ко мне обратились с просьбой написать музыку к фильму об арабском путешественнике Ибн Фадлане, мне необходимо было сочинить мелодию, характеризующую быт и нравы разных народностей. Представляя казахские песни, я написал музыку, которую мог исполнить только оркестр, в составе которого непременно имелась бы домбра - казахский народный инструмент. Позволить себе запись музыки с Оркестром им. Курмангазы в 90-е годы мы не могли, а выход нужно было искать. Мне тогда помог наш известный певец Ренат Ибрагимов, для которого я тогда писал новый репертуар. Он подарил мне казахскую домбру, и я смог записать прекрасную музыку со звучанием этого инструмента. Так появился первый инструмент в моей будущей коллекции.

Следующий инструмент ждал меня в Индии, где я оказался по линии Союза композиторов России. Из всех инструментов, которые я там услышал, меня покорило звучание ситара. Сразу возникло желание приобрести его. Но той незначительной суммы, которую нам разрешили обменять, было недостаточно. Торг шел долго. Хозяин расписывал все достоинства инструмента, не соглашаясь сбивать цену. Но когда понял, что денег мне не жалко, а их просто нет, согласился взять доплату содержимым моего чемодана - футболками, электробритвой, спортивным костюмом. Так во времена перестройки и безденежья в моей коллекции появился второй инструмент. Вкусив состояние сладкого предвкушения приобретения уникального инструмента, я бесповоротно увлекся коллекционированием. Стал интересоваться ударными, редкими экзотическими инструментами, приобретал, учился играть на них и постепенно стал использовать в своих сочинениях. Моя коллекция дважды выставлялась в Национальной галерее «Хазине» в Казанском кремле. Буквально на днях под эгидой Российского национального музея музыки буду представлять ее в Шанхае.

- Рашид Фагимович, профессиональное музыкальное искусство в Татарстане находится на высочайшем уровне. Это признанный факт. Однако состояние современной татарской эстрады вызывает вопросы и споры. Многие критикуют современных певцов за вторичность и дурновкусие, отказ от национальных традиций, низкое качество вокала и аранжировок. Согласны ли вы с этим и нужно ли что-то менять?

- К сожалению, уровень эстрады действительно очень низок. Это признается на уровне руководства республики. Я лично присутствовал в разговоре с президентом Рустамом Миннихановым об этой проблеме. Это была встреча, посвященная юбилею Венеры Ганеевой, на которую был приглашен директор Театра оперы и балета им. М. Джалиля Рауфаль Мухамедзянов и возглавлявший в то время министерство культуры республики Айрат Сибгатуллин. Именно тогда президент дал поручение Рауфалу Сабировичу придумать проект по возрождению татарской эстрады, который вылился в фестиваль «Узгәреш жиле» (Ветер перемен). Безусловно, это хороший и нужный проект, но я и тогда, и сейчас считаю, что должна быть системная работа. Вы знаете, например, что в Азербайджане существует две консерватории - академическая и национальная, где изучают историю азербайджанской музыки и обучают игре на национальных инструментах. Я договорился с руководством этой консерватории об обучении ребят из Татарстана, причем бесплатном. Но эта идея так и погибла в недрах минкульты. К сожалению, руки у них до этого так и не дошли, наверное, были заняты организацией очередного сабантуя. Праздник Сабантуй, конечно, нужен, но может быть пора создать отдельную дирекцию для его организации и снять бремя его проведения с минкульты, чтобы у него высвободилось время для глобальных проектов по развитию культуры нашего народа. В общем, вряд ли что-то можно изменить в нашей эстраде единичным мероприятием, должна быть выстроена целая система развития татарской музыки.

- Рашид Фагимович, огромное спасибо за беседу и надеемся на новые встречи.

- Рад, что даю интервью газете с названием «Татарский мир», частью которого являюсь. Это очень почетно для меня.

Марат Ширинский

Город стал ближе

Москва отмечает свой день рождения. В эту сентябрьскую пору исполняется и два года самому успешному транспортному проекту мегаполиса – запуску пассажирского движения по Московскому центральному кольцу. В сентябре 2016 года горожане получили долгожданный подарок – появилась возможность быстро и комфортно достичь ранее удаленные друг от друга районы столицы. К примеру, ранее для того, чтобы доехать от Черкизово до Владыкино общественным транспортом, требовался примерно час езды на метро через центр города с пересадкой. Теперь вся прямая поездка по этому маршруту на МЦК занимает около 15 минут. Удобство, современные сервисы, экономия времени – все это оценили москвичи уже в первые месяцы работы Московского центрального кольца. Ныне цифры впечатляют – около 450 тысяч пассажиров ежедневно используют МЦК для своих поездок по городу.

«Город стал ближе» – символ новой транспортной идеологии Москвы, реализуемой командой Сергея Собянина. В случае с МЦК, по существу, произошло новое открытие столицы её жителями. Изменилось ощущение города, его пространства, масштаба, многообразия. Благодаря запуску МЦК москвичи могут побывать в разных районах, которые десятилетиями находились на периферии города; удаленные от метро – они были известны лишь местным жителям. Ныне все знают об исторических районах – Коптево, Лихоборы, Стрешнево, Хорошево, Ростокино. Все они теперь на одном кольце города, мимо них курсируют поезда, развивается новая инфраструктура вокруг. Сотни тысяч москвичей ежедневно используют МЦК для того, чтобы добраться на работу. Но и для отдыха, поездок на природу, в парки использование МЦК позволяет экономить время.

У туристов и гостей города наиболее востребованы поездки по западной части МЦК. Здесь железная дорога пересекает Москву-реку, проходит близ высотного комплекса «Москва-Сити», стадиона «Лужники» и других знаковых мест. Из вагона открываются потрясающие виды набережных, Новодевичьего монастыря, здания МГУ, грандиозных транспортных развязок. В дни прошедшего летом чемпионата мира по футболу десятки тысяч иностранных туристов пользовались станцией Лужники. На этом участке находится и единственная подземная станция МЦК Площадь Гага-

рина с выходом к улице Вавилова и Ленинскому проспекту и самым интенсивным пассажиропотоком.

Но мне гораздо ближе северо-восточная часть кольца, где поезд движется вдоль Ботанического сада и Лосино острова. На этом пути и самая загадочная и уютная станция МЦК Белокаменная, расположенная в лесу, в значительном отдалении от жилых кварталов. Уже на платформе ощущается особый лесной дух, смешанный с запахом дыма из печных труб расположенного у станции комплекса деревянных бань. На Белокаменную едут любители лесных прогулок – Лосиный остров подступает к железнодорожному полотну.

Белокаменную, находящуюся в черте города, но сохранившую атмосферу железнодорожной станции начала XX века, полюбили кинематографисты: совсем недалеко от нее расположено несколько общежитий ВГИКа и при поиске мест для съемок режиссеры и особенно операторы всегда отмечали здешний неслучайный вид. Именно на Белокаменной в 1961 году снимался длинный эпизод фильма «Когда деревья были большими» Льва Кулиджанова, где на вымышленной станции Селиваново встречались герои Юрия Никулина и Инны Гулая. Белокаменная органично изображала в фильме провинциальную станцию; киногруппе не пришлось уезжать в экспедицию, снимая картину неподалеку от студии им. Горького. Тогда через Белокаменную прошел необходимый по сценарию пассажирский поезд.

Здесь же снимали эпизод с санитарным поездом в культовом фильме «Офицеры».

Особенно красиво и романтично на Белокаменной весной, в апреле, при подъезде со стороны Ростокино. Сразу вспоминаются строки известного в советское время поэта Леонида Завальнюка:

*Не покидает нас простор,
Где утро просекою скачет,
Где вешний лес стоит и плачет,
Расчѐсан ливнем напробор.*

Но от романтики вернемся к развитию городского транспорта. Помимо редких для мегаполиса пейзажа и тишины, на станции «Белокаменная» отлично сохранилось историческое здание вокзала 1908 года и два дома, свидетельствующие о Московской окружной железной дороге. Подобные станционные по-

стройки в стиле модерн есть и на других участках МЦК, например в Лихоборах, Ростокино, Андроновке (здесь сохранились вокзал, два жилых дома, водоканал и сторожка начала XX века), Кутузово, Угрешской, Канатчиково, однако именно на Белокаменной старинное здание, окруженное лесом, выглядит наиболее изящно.

Таким образом, ультрасовременная транспортная система продолжает городскую идею, реализованную еще в начале XX века. Московская окружная железная дорога (МОЖД) была построена вокруг Москвы по проекту архитектора и инженера П. И. Рашевского в 1903-1908 годах. Её протяжённость составила тогда 54 км. Отсчёт вёрст новой железной дороги начинался от точки её пересечения с Николаевской железной дорогой по часовой стрелке. Все пассажирские здания располагались внутри кольца со стороны центра города, а товарные платформы, пакгаузы, станционные пути – с внешней стороны. Первоначально по дороге перевозились не только грузы, но и пассажиры, для которых были построены станции-вокзалы. До 1917 года по окружной железной дороге ездили рабочие и служащие прилегающих к ней предприятий. Две трети фабрично-заводских предприятий Москвы находились в окрестностях и за Камер-Коллежским Валом – официальной границей города. Особенно среди них много было крупных предприятий, на которых работало более 500 рабочих. Дорога способствовала промышленному развитию города, а москвич-рабочий стал её главным пассажиром.

Многим москвичам еще памятливы бесплодные разговоры о необходимости запуска пассажирского движения на кольце, которые звучали чуть менее двадцати лет назад. Однако тогда воли и конкретных идей для решения давно назревших транспортных проблем не было. Что и говорить, если темпы строительства линий метрополитена многократно отставали от демографических реалий одной из крупнейших мировых столиц, а в центре города наземный транспорт работал весьма неравномерно...

Но после 2010 года все изменилось. В команде Сергея Собянина транспортная проблема стала одной из приоритетных. Проект организации кольцевой линии городской электрички в составе транспортной сети Москвы был разработан в рамках долгосрочной программы «Город, удобный для жизни», концепции обеспечения транспортной доступности в Московском регионе, развития транспортной системы столицы, избавления города от пробок. В 2011-2012 годах была разработана проектная документация на инфраструктуру, подготовлены градостроительные обоснования, проекты планировки территорий и документация для строительства транспортно-пересадочных узлов. Масштабный проект требовал значительных финансовых вложений и мог растянуться на долгие годы, однако усилиями правительства Москвы и руководства ОАО «РЖД» все было реализовано в кратчайшие сроки. Реконструкция кольца для возможности запуска движения осуществлена была в период с 2012 по 2016 год за счёт средств федеральных инвестиций, ОАО «РЖД», правительства Москвы и группы компаний-инвесторов. К примеру, в ходе реконструкции была проведена замена путей на бесстыковые для бесшумного движения

Историческое здание вокзала на станции Белокаменная

поездов, произведена реконструкция мостов, осуществлена электрификация линии, сооружены остановочные пункты для электропоездов, интегрированные с транспортно-пересадочными узлами, обновлена система сигнализации на линии. Для возможности сохранения грузового движения в дневное время был сооружён третий главный путь на большей части протяжённости кольца.

Третий грузовый путь не был выстроен лишь на 17-километровом участке Пресня-Канатчиково-Угрешская в связи со сложной инфраструктурой – там расположены мосты через Москву-реку, Гагаринский тоннель, вплотную примыкающие к железнодорожным путям Третье транспортное кольцо и объекты городской инфраструктуры. В ходе реконструкции кольца за пределы города были выведены пять грузовых дворов. Всего в сфере благоустройства оказались 8,5 тысяч га столичной территории, вновь вернувшейся москвичам. Работы по их благоустройству продолжаются. Строительство большинства платформ началось весной 2015 года. К сентябрю 2016 года работы по возведению практически всех платформ были завершены, также были возведены примыкающие к ним павильоны с кассами и турникетами и лестницы. 10 сентября 2016 года, в День города, состоялось открытие Московского центрального кольца. В церемонии открытия приняли участие Президент России Владимир Путин и Мэр Москвы Сергей Собянин, которые проехали по кольцу от Лужников до Площади Гагарина и обратно. Комфортабельные поезда-«Ласточки» стали курсировать по всему кольцу.

Станция МЦК Площадь Гагарина

Одной из ключевых особенностей работы МЦК стала её интегрированность в существующую сложную городскую транспортную систему, прежде всего, связь со станциями метрополитена, находящимися вблизи железнодорожных путей. Правительство Москвы и привлечённые им компании-инвесторы сооружают транспортно-пересадочные узлы, которые вместе с основной инфраструктурой обеспечивают значительную интеграцию с метрополитеном — движение электропоездов с остановками по всем пунктам и минимальными интервалами в часы пик, характерными для метро; проезд пассажиров по единым тарифам и билетам, пересадку с МЦК на метро и обратно без дополнительной оплаты в течение 90 минут. Большинство платформ МЦК уже сейчас работают в режиме узлов, в дальнейшем подобную функцию будут выполнять почти все платформы. Среди них будет 19 крупных узлов.

К примеру, сейчас полным ходом идет строительство крупных узлов на станциях Окружная на севере города и Нижегородская в Карачарово. После строительства новых участков метрополитена и переноса ряда железнодорожных платформ ближе к МЦК станут возможными 17 пересадок на 11 линий метрополитена (включая строящиеся) и 10 пересадок на 10 радиальных направлений железной дороги. Уже сейчас платформа Северянин переносится южнее, ближе к МЦК, а Карачарово — западнее.

С запуском движения по кольцу у пассажиров появилось более 350 возможных вариантов пересадок при перемещении по городу, что позволило существенно уменьшить нагрузку на метрополитен и центральную часть Москвы. В столице впервые появилась возможность, не выезжая в центр города, перемещаться по разным районам мегаполиса, а учитывая загруженность метрополитена в разных округах (особенно, в час-пик на Таганско-Краснопресненской линии), МЦК стало наиболее удобной альтернативой метро при движении от дома до работы и обратно.

Разумеется, не забыты и специальные условия для пассажиров с ограниченными возможностями. На 26 станциях установлены лифты для маломобильных пассажиров, эскалаторы, на 5 станциях — специальные подъёмники для инвалидов-колясочников. На каждом транспортно-пересадочном узле имеются кассы с заниженным уровнем окна, в салонах возле дверей установлены цветные информационные мониторы, отображающие часть схемы маршрута с пересадками и текущее положение поезда на маршруте, что имеет большую важность для городских поездов с частыми остановками.

МЦК ежедневно выполняет сложные транспортные задачи, но проезд по этой уникальной линии позволяет познакомиться с городом. Можно знакомство сделать и организованным. В Музее Москвы существует специальный экскурсионный маршрут «МЦК — стальное кольцо Москвы», пользующийся большим успехом. С помощью опытных москвоведов Ларины Скрыпник, Марии Калиш, Константины Полещука можно узнать об истории строительства Окружной железной дороги, о происхождении названий станций, о тех событиях, которые происходили на территории районов, прилегающих к кольцу: о том, что было прежде на территории завода «ЗИЛ», и что появится там в ближайшем будущем; где была первоначально похоронена великая русская актриса Мария Ермолова, почему Ростовский акведук называли «миллионным мостом». Существует идея создания на станции Пресня и особого музея Московской окружной железной дороги, где планируется экспонировать единственный сохранившийся раритетный экземпляр настенных часов «П. Буре», которыми в 1908 году были украшены все станции дороги.

МЦК стало привычной аббревиатурой для москвичей. Проект удался, а скептики, различные «теоретики» от урбанизма получили реальный ответ от Правительства Москвы, сумевшего быстро и качественно обеспечить потребности москвичей в современном транспорте. Впереди большая работа по дальнейшей интеграции транспортной системы города и обустройству территорий близ станций. А в планах городских властей новая амбициозная задача — проект «Московские центральные диаметры», который позволит обеспечить сквозное пассажирское движение из разных концов Московской области через районы Москвы. Запуск первых маршрутов намечен уже на 2019 год.

Город становится ближе.

Победный марш под землей...

В 30-е годы прошлого столетия имя Вазыха Замалдинова было на слуху не только метростроевцев, но и большей части советской комсомолки. О нем слагали стихи поэты, рабочие первой в СССР подземки избирали его делегатом съездов Советов, правительство за трудовую доблесть награждала орденами и медалями. Вот что о нем писал в своих воспоминаниях известный поэт Евгений Долматовский (1915–1994), также бывший в те далекие годы в числе первых и отважных строителей метро:

«Разбирая старые бумаги и сохранившиеся документы юности, я нашел тетрадку-дневник с записями, относящимися к 1934 и 1935 годам. Предлагаю вниманию читателя эти странички. Их писал доброволец, участвовавший в строительстве станции метро «Охотный ряд», которая теперь называется «Проспект Маркса», и первого тоннеля. В дневнике упоминаются имена комсомольцев тех времен. Сообщаю, как сложились дальше судьбы моих, тогда еще не героев:»

Вазых Замалдинов... О нем восторженно писал в своих репортажах из Москвы корреспондент газеты «Руде право» Юлиус Фучик. Ныне заслуженный строитель РСФСР, инженер Вазых Замалдинов — ветеран Метростроя. Под его руководством проложено немало тоннелей, воздвигнут ряд станций (например, станция имени 1905 года)».

И далее Е. Долматовский дает яркую и емкую характеристику своему товарищу по работе: «Другой бригадир — Вазых Замалдинов — гора человек, полная не просто полезных, но драгоценных ископаемых. Но до них надо еще добраться, а внешне он просто деревенский татарский парень, особо говорящий по-русски, но чаще молчаливый и думающий по-татарски, он сам мне сказал».

Откуда же он родом, Вазых Замалдинов, наш земляк-герой метростроя? Вот что удалось узнать из скучных архивных документов. Вазых родился 14 августа 1907 года в татарской деревне Чуру-Борышево, что находится, по нынешним временам, в Апастовском районе Татарстана. Родители его были бедными крестьянами. В постигший Поволжье голод в 1921–22 годах многие жители снялись с родных мест в поисках лучшей доли. Среди них был и Вазых. Он оказался в Подмоскovie, устроился грузчиком на лесопильный завод в Люберцах. А ему было только 14 лет. Через два года вернулся в свое село, занимался сельским хозяйством, осваивал работу бетонщика, трудился на объектах мостостроя. С начала всеобщей стройки метрополитена приехал в Москву и влился в ряды строителей подземки. Первые месяцы был проходчиком, затем за ударный труд выбрали бригадиром 11-й шахты, которой выпала честь прорубить первый тоннель метрополитена. Перед войной окончил Московский институт инженеров транспорта. Всю свою жизнь посвятил метро. В послевоенные годы работал главным инженером, а с 1958-го и до 1974-го, времени ухода на пенсию, возглавлял СМУ-159 Министерства транспортного строительства СССР. Стал заслуженным строителем России, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, многими медалями. Вместе с женой Гарифой вырастили и воспитали двух сыновей и дочь.

Как уже упоминалось, о Вазыхе Замалдинове писал выдающийся сын чешского народа, писатель и журналист Юлиус Фучик, который в 30-е годы работал корреспондентом в известной газете «Руде право». В мае 1935 года на ее страницах был опубликован большой очерк «Краткая история московского метро», одним из героев которого является Вазых Замалдинов. Знакомим читателей с этим очерком в сокращенном варианте.

Когда строили подземную дорогу в Берлине, приходилось бороться с одним большим бедствием — подземными водами. Когда строили подземную дорогу в Лондоне, приходилось преодолевать одно большое препятствие — страшное сплетение старых подземных сооружений, водопроводов, газопроводов, построенных без единого плана, анархически. Когда строили подземную дорогу в Париже и Мадриде, мешало одно неприятное обстоятельство — поверхность, расщепленная кривыми переулочками, старыми, давно осыпавшимися фундаментами, подземные лабиринты столетий, постоянно угрожавшие неожиданностями строительству и рабочим.

Когда решили строить метро в Москве, знали, что придется столкнуться со всеми этими препятствиями и неприятными обстоятельствами. И с гораздо большими. Пласты почвы, на которой стоит Москва, медленно откладывались в течение миллиона лет. В нескольких десятках метров под землей найдешь ил, болото, опасные подвижные пески, подземные реки, эрратические камни, занесенные сюда скандинавским ледником, известняки, насыщенные водой.

Все иностранные ученые, которые смотрели на геологическую карту Москвы, пожимали плечами и говорили: «Здесь построить метро нельзя»...

Строительству метро предшествовала огромная подготовительная работа. На всех улицах, под которыми должна была пройти первая линия, были поставлены бурильные машины, исследовавшие грунт. Именно эти бурильные машины и рассказали историю московского подземелья...

День четырнадцатой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1931 года. На Русаковской улице небольшой, почти интимный, кружок людей торжественно открывает первую шахту первого советского метро. Здесь начинается исследовательский участок подземки. Работают несколько человек лопатами и мотыгами. Более полугодом производится исследование. Затем появляются первые шахтные вышки над московской мостовой. Сначала работают десятки людей, затем сотни, а в половине 1932 года их насчитывается уже пять тысяч. Это — авангард.

На заводах были организованы специальные призывные комиссии. Врачи и специалисты осматривали и проверяли каждого, кто заявлял о своем желании работать на метро.

Ведь это все были молодые, восторженные, но неопытные люди, никогда не работавшие под землей, которые, возможно, были хорошими слесарями или текстильщиками, но даже не умели держать кирки в руках, не говоря уже о работе со сложными механизмами...

Меньше чем через месяц из подземелья доносится радостное сообщение, что под Охотным рядом встретились между собой десятая и одиннадцатая шахты и что метростроевские

поэты сложили первую песню победного марша под землей, в которой воспели комсомольскую бригаду Замалдинова, первой пробившую соединительный тоннель.

А шахты все углубляются, и тоннели все расширяются, метро растет и зовет новых рабочих. В декабре 1933 года на собрании актива и ударников Метростроя и ударников всех московских заводов снова говорится о задачах помощи московскому метро...

...Оставалось еще сорок пять метров в шахте № 11 и столько же в шахте № 10. Девяносто метров твердого, неподатливого известняка, который не отступал даже перед пневматическими молотками. Бывали такие дни, когда бригады, работающие друг против друга, сближались только на два метра в день. Но чем больше они сближались, тем больше нетерпеливости и тем больше энтузиазма проявляли в работе. Пробить, соединиться, подать друг другу руки через первую скважину, которая соединит обе шахты — вот сила, которая двигала обе бригады.

Бригадир Вазых Замалдинов почти не выходил из шахты. И если он выпускал на минуту пневматический молоток, то это только для того, чтобы снести одну из зарубок на стене, которыми бригада обозначала остающиеся метры. Вазых Замалдинов был бедным крестьянином. Потом стал носильщиком, а вот в этой главе он — бригадир на Метрострое и строгий бригадир.

— Володя (так называли Вазыха рабочие. — Ред.), ты какую смену уж стоишь без отдыха? Третью? Сейчас же немедленно из шахты, домой, отдыхать.

Но в бригаде Замалдинова случилось то, чего никогда не было: поднялся бунт.

— Не пойдем домой! Останемся, пока не пробьем тоннель!

И Замалдинов сделал то, чего никогда не делал, — поступил своим авторитетом.

Зарубки на стене убывали с каждым часом. От сорока пяти метров оставалось только три, уже только два, метр... Бригада прошла уже все сорок пять метров, а соединения не произошло. Вторая бригада задержалась в неподатливом известняке. Что делать? Бригада Замалдинова собирается на летучку. Решено без каких бы то ни было дипломатических переговоров перейти границу шахты № 12 и занять ее известняковую территорию.

Идут метр, два, четыре и на пятом слышат за тонкой стеной грохот пневматических молотков.

И вдруг падает известняковый пласт, и через небольшое окошечко бригада смотрит на своего «неприятеля».

— Я думал, — рассказывал потом Вазых Замалдинов, — что от громового «ура» на нас обрушится вся штольня.

Окошко превратилось в огромнейшие ворота, через которые гордо проходили обе бригады в свое общее царство...

Вазых Замалдинов, бывший крестьянин-бедняк, стал тоннельным мастером и по предложению своей бригады был избран делегатом на VII съезд Советов, высший орган власти Советского Союза.

30 декабря 1933 года. План строительства метро выполнен на десять процентов.

В январе 1934 года работало на Метрострое 36 тысяч рабочих и работниц. В мае 1934 года работают на метро 75 639 человек. Это самое крупное строительство в Советском Союзе. Работают здесь украинцы и чуваша, узбеки и марийцы, русские, татары, немцы и чехи, работают здесь представители почти пятидесяти национальностей. Коллектив метростроевцев — большой подземный народ, у которого есть свои власти, свои газеты, свои дома отдыха, свои поэты, свои рекордсмены по бегу и плаванию, свои чемпионы по боксу, свои мастера по шахматам, свои большие национальные герои.

В ноябре 1934 года готов тоннель первой линии метро — 11 километров 400 метров. За неполный год под землей была уложена 741 тысяча кубических метров бетона. На торжественном заседании ударников Метростроя в Большом театре его участники обещают передать совершенно готовое метро самому высшему хозяину Советской страны — съезду Советов.

6 февраля 1935 года. VII съезд Советов завершает свою работу. Делегация рабочих из Метростроя в своих рабочих костюмах входит в зал заседания, зажигает зеленый свет на сигнальной лампе и рапортует хозяину страны: метро есть!

Потом ночью 2500 делегатов VII съезда Советов оказываются первыми пассажирами в первых восьми поездах московского метро. А впрочем, не первыми! Потому что первыми были все-таки его славные строители.

...В последние дни апреля 1935 года оно открылось для сотен тысяч ударников с московских заводов и колхозов.

Сотни тысяч ударников ежедневно входили через надземные станции метро в московское подземелье. На их лицах были широкие, счастливые улыбки. Не только отличники из школ, не только молодые комсомольцы и комсомолки, но и серьезные, солидные мужчины и женщины ездили по эскалатору пятьдесят метров вниз и снова вверх, как дети, ощупывали каждую деталь вагонов метро, широко раскрытыми глазами осматривали великолепие подземных станций-дворцов и опять и опять ощупывали, как все это сделано и могут ли они быть вполне удовлетворены этой большой работой. Они были, как дети, счастливы и, как хозяйева, обстоятельны.

Вазых Замалдинов 1937 г.

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Путешествие в ФОНТАННЫЙ ДОМ

Величие Анны Ахматовой, значение её личности и поэзии в истории культуры XX века все отчетливее и яснее осознается ныне. И стихи молодыми читателями все более воспринимаются самоценно, почти без привязки к обстоятельствам её судьбы. Прошло уже более 50 лет со времени её ухода, осталось мало людей, лично знавших Ахматову. Для литератора - срок достаточный, чтобы уйти в небытие, или стать частью классического канона. Ахматову читают, восхищаются, изучают и критикуют тоже. Несколько лет назад выходили большими тиражами скандальные книги, основной пафос которых был направлен на свержение Ахматовой с пьедестала царицы русской поэзии. Эти суетные страсти улеглись; Ахматова продолжает возвышаться над своим и нашим веком.

Примечательно восприятие и почитание Ахматовой татарским читателем. В любой татарской аудитории, где упоминается её имя, сразу цитируют первые строки из «Сказки о черном кольце»:

*Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.*

Но это лишь поэтическая метафора, прочно вошедшая в историю литературы. К разочарованию многих - бабушки-татарки у Ахматовой не было. Была вполне русская прабабушка, носившая в девичестве татарскую фамилию, которую Анна Андреевна Горенко сделала своим поэтическим псевдонимом. Суrowsкий отец запретил подписывать стихи фамилией Горенко, и Анна взяла девичью фамилию прабабушки по женской линии Прасковьи Федосеевны Ахматовой (в замужестве - Мотовиловой), умершей еще в 1837 году. Прасковья Федосеевна происходила из старинной дворянской фамилии князей Чагадаевых, известных с XVI века, по матери - из старинного татарского рода Ахматовых, обрусевшего в XVII веке.

А ведь есть и другие ахматовские строки, забываемые ревностными апологетами приобщения поэта к татарам:

*Татарское, дремучее,
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.*

Миф-метафора столь сильный, что сопровождал не только Ахматову, но и Льва Гумилева, похоже искренне и самозабвенно поверившего в свои близкие тюркские корни и связавшего судьбу с изучением кочевого мира.

Впрочем, ордынский хан Ахмат, к которому Ахматова возводила свою родовую, иногда неожиданно напоминал о себе.

1950-е гг. - время расцвета в СССР поэтических переводов. Ахматова для заработка много переводит с подстрочников, не любя это трудное ремесло. Громкое имя пусть и опального поэта привлекало авторов из национальных республик, да и заботливые редакторы в издательствах стремились обеспечить работой. С каких только языков не переводила Анна Андреевна! Работала Ахматова и с татарской поэзией.

В ответ на просьбу мастера художественного перевода Семена Липкина посмотреть присланные подстрочники стихов Тукая, Анна Андреевна сказала: «Своего переводу обязательно», подчеркивая любимую ею историю о восточных предках. И перевела несколько тукаевских стихотворений, в том числе «Слово к зиме», «Осень», «Родной земле», «Пара лошадей», «Надежда».

данно увидела Ахматову, скромно стоявшую в очереди за гонораром в кассе московского журнала «Вопросы литературы» в Большом Гнездиновском переулке.

Галия Закировна придерживалась смело, даже крамольной идеи - весьма критично (и аргументированно) отзывалась об ахматовских переводах Тукая. К примеру, читала мне в оригинале на татарском его знаменитое «Пар ат» и показывала насколько холодно, формально передан на русском колорит Заказанья и путь лошадей в упряжке. Время от времени раздавались робкие критические оценки переводов, выполненных Ахматовой и с иных языков. Будто строки принадлежат не великому поэту, а повторяют чеканную соцреалистическую рифму конца 40-х-начала 50-х гг.

Разумеется, здесь необходимо помнить об условности жанра поэтического перевода в целом, тем более, выполненного с подстрочника, без знания языка оригинала. «Подстрочник стихов — это даже не проза, — отмечала Ахматова. — Это слова без дыхания, глубокое безмолвие после смерти». Не всегда и не всем удавалось вдохнуть в них жизнь. У Ахматовой же, слишком очевидно проступала явная вынужденность переводческого труда, уводящего от собственного великого призвания.

Но поэтический перевод - особый сюжет, хоть и связанный со стенами Фонтанного дома.

Так повелось, что в массовом сознании сложился образ Ахматовой, жившей в предвоенном и особенно послевоенном Ленинграде, нежели в старом Петербурге - «городе северных элегий». Это очевидно, поскольку обширная мемуарная литература о поэте в основном охватывает поздние годы царственной Ахматовой. Уже непривычный для многих образ изящной молодой Ахматовой круга акмеистов почти растворился, напоминает о себе лишь с редких фотографий Серебряного века.

Прежде чем войдем в Фонтанный дом, вспомним символичную преемственность имен. Ахматова родилась в одесском районе Большой Фонтан в семье потомственного дворянина, инженера-механика флота в отставке Андрея Антоновича Горенко, однако её подлинным домом в мире скитаний и трагедий XX века стал петербургский Фонтанный дом.

Но сначала было большое переселение в предместье имперской столицы. В 1890 году семья поселилась в Павловске, а затем в Царском Селе, где в 1899 году Анна Горенко стала ученицей Мариинской женской гимназии. «Мои первые воспоминания — царскосельские: зелёное, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пёстрые лошади, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду»...

В теплые южнорусские земли семья периодически возвращалась, но не в Одессу, а в Крым. «Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили». Вот так два моря России вошли в её жизнь — благодатное Черное и суровое Балтийское. Увиденные в детстве руины античного Херсонеса и строгая геометрия Петербурга — возможно, именно они придали эпичности поэзии Ахматовой?

В Петербурге Ахматова застала «краешек эпохи», в которой жил Пушкин. Запомнилась ей и город «дотрамвайный, лошадиный, конный, коночный, грохочущий и скрежещущий, завешанный с ног до головы вывесками».

Подойдем ближе к Фонтанному дому. К нему можно пройти от набережной Фонтанки через старые петербургские дворы, а можно и с Литейного проспекта.

Южный флигель Шереметевского дворца (или Новый кухонный флигель) был построен в 1845 году, а в 1911-14 гг. архитектором М. Красовским надстроен третий этаж для квартиры дочери графа Сергея Дмитриевича Шереметева.

Именно эта квартира № 44 в Фонтанном доме была выдана сотруднику Русского музея Николаю Николаевичу Пунину (1888-1953). Пунин был знаком с кружком литераторов ещё по встречам в знаменитом кафе «Бродячая собака», а в 1922 году между ним и Анной Ахматовой возникли отношения. Причудливые реалии социалистической жизни привели к тому, что в квартире также жили первая жена Н.Н. Пунина - Анна Евгеньевна Аренс, и их дочь Ирина, зять (погибший в 1943 году) и внучка, ставшая родной для Ахматовой. А после развода с Пуниным, здесь при Ахматовой поселилась и его третья жена экскурсовод и искусствовед Марта Андреевна Голубева. Именно Марте Голубевой в 1953 году, как жене, было адресовано официальное уведомление о смерти репрессированного Николая Пунина в лагере в Коми АССР.

Но впервые Ахматова пришла в Фонтанный дом страшной петроградской зимой 1917-1918 гг. еще к востоковеду Владимиру Шилейко в северный флигель. С 1923 года Фонтанный дом стал самым прочным пристанищем для Ахматовой, «природной кочевницы», как она себя сама называла.

Deus conservat omnia - Бог сохраняет все. Девиз на ажурных воротах Фонтанного дома. Действительно, все сохранилось: и память о Шереметевых, которые здесь жили несколько поколений подряд, и уклад коммунальной квартиры, превратившейся из флигеля дворца в советские годы, и поэтические произведения, строки из которых витают тут до сих пор.

Советские атрибуты здесь сохранены, с тех времен, когда в Фонтанном доме находился Институт Севера, отличавшегося строгим режимом, а у Ахматовой в пропуске было указано - «жилец».

И ещё одна символика самых тяжких лет Ахматовой - многочисленные чемоданы — экспонаты в коридоре музея... Первый, укоризненно вззирающий, окажется со сломанной ручкой... Чем не символ?

А сколько их, чемоданов этих? Частые поездки по маршруту «Ленинград-Москва», спасительная эвакуация в Ташкент, самые родные люди, не по своей воле покинувшие Фонтанный дом. Но самый знаменитый чемодан венчает эту серию уже на выходе из музея. Это чемодан Иосифа Бродского, известный по фотографии 1972 года из Пулкова, когда поэт навсегда покинул родной город и Россию, и который вновь пересёк океан. На первом этаже музея Ахматовой теперь находится «Американский кабинет Иосифа Бродского». Бродский никогда не жил в Фонтанном доме и даже никогда не бывал здесь. Но волею судеб его духовная связь с Анной Ахматовой, начавшаяся еще в 1960-е годы при жизни обоих, продолжилась и после их смерти.

В 2003 году вдова поэта Мария Бродская передала музею Анны Ахматовой вещи из его дома в небольшом американском городке Саут-Хедли (Массачусетс), где поэт преподавал с начала 1980-х. Но самые трогательные вещи здесь - фото пожилых родителей, оставшихся в Ленинграде и так и не дождавшихся встречи с сыном, упомянутый чемодан, открытая упаковка кардиологического препарата, который Бродский не успел принять до конца...

Великие имена Фонтанного дома. Начиная с 1824 года во дворец часто бывал художник Орест Кипренский, друживший с графом Дмитрием Шереметевым и создавший по его заказу ряд портретов приятелей хозяина — офицеров-кавалергардов. В конце мая-июне 1827 года в своей мастерской, расположенной во дворце (нынешнем Аванзале), Кипренский создал известный портрет А. С. Пушкина. Портрет был заказан другом Пушкина, Дельвигом. Пушкин позировал Кипренскому в июне-июле 1827 года в шереметевском дворце. Ахматовой-пушкинисту, ощущавшей поразительную близость к поэту, погруженной в его жизнь, самой судьбой было предназначено провести в Фонтанном доме почти 30 лет.

И чуть запущенный обширный сад у дворца. Клены и липы всегда росли в саду Фонтанного дома... О них в своих стихах Ахматова вспоминала не раз:

*Только ночью слышу скрипы.
Что там - в сумраках чужих?
- Шереметевские липы.
Переключка домовых...*

Все происходило в стенах Фонтанного дома. 8 июня 1926 в Ленинграде был оформлен развод с востоковедом Владимиром Шилейко. При разводе Анна Андреевна впервые официально получила фамилию Ахматова (ранее по документам носила фамилию своих мужей). Брак с Пуниным. Создание поэмы «Реквием». 1941 — войну встретила в Ленинграде. 28 сентября 1941 года была эвакуирована сначала в Москву, затем, подобно многим литераторам, — в маленький Чистополь; оттуда через Казань в Ташкент. В Ташкенте вышел сборник её стихотворений.

*Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Ташкент! - прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам и цветам,
И маленьким баранчукам
У черноколых матерей
На молодых руках...*

1944 году Анна Ахматова в числе первых вернулась из эвакуации в Ленинград, только несколько месяцев назад освобожденный от блокады. И здесь её ждал первый из послевоенных ударов. Патологоанатом Владимир Георгиевич Гаршин с 1939 года ухаживал за Ахматовой, намеревался жениться на ней. Ахматова первоначально посвятила ему («Городу и другу») вторую часть и эпилог «Поэмы без героя». Однако сразу после возвращения Ахматовой из эвакуации последовал разрыв отношений, после которого Ахматова отзывалась о Гаршине как о психически больном — ему снилась покойная жена, не желавшая брака с Ахматовой.

Но в том же Фонтанном доме, словно в короткое утешение, 16 ноября 1945 года состоялась и первая встреча Ахматовой с таинственным Исайей Берлиным — британским подданным, уроженцем Риги, свободно владевшим русским языком и отлично знавшим русскую культуру и историю. Вторая встреча на следующий день продлилась до рассвета и была полна рассказами об общих друзьях-эмигрантах, о жизни вообще. Удивительная встреча с «гостем из будущего», видным впоследствии европейским интеллектуалом, но фигурой весьма неоднозначной. Разумеется, этот визит сотрудника британского посольства в Фонтанный дом (якобы незапланированный и спонтанный) принес все последующие испытания Ахматовой. Добавил беды и сын Черчилля Рэндольф, находившийся в Ленинграде, искавший по всему городу своего товарища и кричавший в саду Фонтанного дома: «Исайя, Исайя».

Согласно воспоминаниям Исаяи Берлина, Ахматова, прежде всего, расспрашивала о своих знакомых, живших в эмиграции. Вспоминали о знаменитой «Саломке» — Саломеи Андрониковой, одной из самых ярких женщин Серебряного века, благотворительнице, адресате многих стихотворений и модели многих портретов.

За эти две короткие встречи вскоре пришла горькая расплата. Партийное постановление 1946 года, арест Пунина и сына.

Фонтанный дом Ахматова покинула вместе с Пуниными в 1952 году, переехав в квартиру на улице Красной Конницы, недалеко от Смольного собора, который она любила с детства. Ныне это Кавалергардская улица, район Суворовского проспекта. В её небольшой комнате помещался у изголовья кровати рисунок Модильяни, иконы и «ларец флорентийской невесты», как его называла Анна Андреевна, где хранились папки со стихами. Приходили молодые поэты, наступило время подлинного паломничества к Ахматовой.

Но в 1961 году дом пошел на капитальный ремонт. Тогда же, на Петроградской стороне, на улице Ленина, был построен писательский дом, куда вместе с Пуниными вновь переехала Анна Андреевна. Здесь она и жила почти до последних своих дней. Хотя больше она пребывала тогда в Москве, и не только на легендарной Ордынке в квартире Ардовых, но и на Беговой, в Сокольниках на улице Королёнка. Безымянная, в сущности, не имевшая собственного угла; трудности в Москве вызывали лишь старые дома без лифта.

Но все же главный дом Ахматовой на земле — Фонтанный. Сейчас в нем музей поэта, толпы молодых посетителей, экскурсоводы рассказывают её биографию, в магазине при музее продают не только книги и открытки, но и неизбежные туристические трофеи — магниты. Да-да — ироничные, даже забавные магниты с изображением Ахматовой! Чтобы она сказала на это, могла ли представить Фонтанный дом своим музеем?

Видимо, это и есть слава после земной жизни.

*Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица,
Напрасных крыл напрасны трепетанья,
Ведь всё равно я с вами до конца*

Роберт Нигматулин, академик РАН, научный руководитель Института океанологии им. Ширшова РАН, заведующий кафедрой волновой и газовой динамики, профессор механико-математического факультета МГУ им. Ломоносова.

- В прошлом году Владимир Путин затронул болезненную тему изучения родных языков в национальных республиках. Как вы считаете, эти языки надо изучать в обязательном порядке или на добровольной основе?

— Президент правильно сказал, что язык надо изучать добровольно, заставлять нельзя. Я с этим согласен, но есть серьезная проблема. Как нам сохранить нерусские языки народов России? Для этого татарским, башкирским и детям других национальностей, которые дома, в семье получили азы родного языка, надо давать возможность развивать и укреплять родной язык в средней школе. Надо создавать условия, чтобы при поступлении в вузы они не уступали по показателям тем, кто изучал только русский язык. Я уже неоднократно высказывал свое предложение о том, что молодежи, которая оканчивает национальную школу, где преподают и русский, и родной язык, надо давать возможность сдавать ЕГЭ на двух языках. Потому что если ты часть времени, которая предназначена на русский, тратишь, допустим, на татарский, то к окончанию 11-го класса в знаниях по русскому, конечно, будешь уступать тем, кто учил только русский. Если же, например, 60 процентов ЕГЭ сдавать на русском, а 40 — на татарском, то баллы ЕГЭ будут выравниваться. Вот об этом Путин не сказал, а нужно было ему подсказать. Я убежден, что он бы понял. Путин неоднократно подчеркивал позитивное отношение ко всем народам России и особое отношение к татарскому народу, его заслугам в истории России. Думаю, что ему пожаловались, что в Татарстане русских силком заставляют учить татарский язык.

- В итоге эта тема вызвала очень бурную дискуссию в Татарстане...

— Потому что стали сокращать учителей татарского языка, а надо создавать условия, чтобы дети, которые получили дома языковую практику, развивали ее в школе. Уверю вас, их русский язык не пострадает, а даже лучше будет. Я в этом абсолютно убежден. Второй язык укрепляет знание русского.

Мой учитель говорил, что каждый человек должен владеть двумя языками: один — для дела, другой — для того, чтобы писать стихи. Это глубокая мысль. А нам, татарам, надо владеть тремя языками: родными — русским и татарским, а также английским, чтобы быть гражданами не только татарского народа, всей великой России, но и всего мира.

Сила России в том, что у нас много языков, и Россия должна беречь свое многоязычие. Нельзя, чтобы какой-то язык потерялся. Если есть возможность изучать дополнительный язык, надо помогать. Конечно, молодежь надо заставлять учиться. Я вот в детстве время от времени испытывал на себе давление, когда ленился. Но грамматику татарскую изучал самостоятельно, когда был студентом.

- Вас же татарскому бабушка научила, как следует из вашей автобиографии.

— Бабушка со мной занималась до трех лет, потом мама и папа. Они дома на татарском разговаривали, но не заставляли учить. Побоялись, а вдруг русский будем плохо знать. Я же вырос в Москве, на Арбате, как обычный русский парень. Иногда я говорю, что вырос с московской шпаной — это в шутку. А в действительности я учился в хороших московских школах. Но родной татарский язык, его грамматику я совершенствовал самостоятельно. Не скажу, что мой татарский совершенен, но он часть моей сущности и мое преимущество. Я богаче, чем те, у кого один язык, а у меня их три. Два родных — русский и татарский. А третий, английский, для дела.

- А вы себя больше кем ощущаете — татарин, русским, а может быть, башкиром, ведь вы и в Башкирии жили и работали...

— Сущность у меня татарско-башкирская и русская. Я носитель трех наций и старался, чтобы и дети мои владели языками. У моей дочери три родных — русский, татарский и английский, потому что она училась в Америке. Хотя я знаю массу людей, которые не волнуют такие вопросы. Я чувствую красоту как русского, так и татарского языков. Речь некоторых татар, учившихся в татарских школах и имеющих татарский талант, порой звучит для меня как опера. Такая речь присуща некоторым татарским артистам. Такая красивая и умная речь у Минтимера Шариповича Шаймиева. Кстати, мне нравится и его русская речь, тоже умная и красивая.

- Многие татары, башкиры, представители других этносов, выросшие в городах своих же республик, не владеют родным языком. Почему?

Сила России в многоязычии

— Это так, и это меня настраивает на грустный лад. Вот в Америке есть татарская диаспора, многие из них в России не жили. Но их дети говорят на татарском языке, с американским акцентом, но говорят. А у нас в Казани, в Уфе многие не знают родного языка. Чтобы пристыдить современных россиян, я иногда говорю, что первосортные русские и татары уехали после революции из России, а остались второсортные. Надо перевоспитывать современных россиян, чтобы они были первым сортом. К тому же среди тех людей, которые получили русско-татарское, русско-башкирское воспитание, гораздо меньше ущербных националистов, они гораздо шире по сравнению с одноязычным воспитанием.

- Как вы думаете, наше общество научилось говорить о межнациональных противоречиях без взаимных обвинений в разжигании розни и сепаратизма?

— За последние 50 лет межнациональная напряженность существенно упала. В моем детстве, как только мы с ребятами поругаемся, так мне тут же кричали «татарская морда» или кому-то «еврейская морда», «армяшка», ведь этому их научили тогдашние родители. А когда рос мой сын, такого уже не было. Сегодня татары входят в правительство. Есть выдающиеся ученые, деятели культуры, спортсмены. Центральный банк возглавляет татарка. Ренессанс татар.

- Как бы вы оценили проведение национальной политики в России сегодня?

— Мне как-то довелось выступать по поводу государственности башкирского языка в Госсовете Башкортостана. Тогда у определенной части татар и русских было мнение, что государственным должен быть только русский язык. Но я говорил, что нужно понять болевые стороны каждого народа. А в России многие малые народы подвергались давлению, унижению. Это наша история. Многие лучшие люди переходили в русскую культуру и внесли свой огромный вклад. Кутузовы, Державины, Тургеневы, Куприн — у всех у них татарские корни.

Сегодня нам нужно думать о сохранении национальной идентичности всех народов, и все языки должны иметь государственный статус. Нужно, чтобы татарский язык, как и другие языки республик России, развивался не только в Татарстане, а башкирский — в Башкирии, но и в других частях страны. Потому что, например, две трети татар живут вне Татарстана. Значит, соответствующее министерство должно быть озабочено тем, как этим людям дать основы татарской культуры, языка. В Америке, например, существуют воскресные школы. Конечно, это требует определенных ресурсов, но этим нужно заниматься.

- Не так давно на Первом канале показали фильм «Золотая Орда». В Татарстане многие почувствовали себя оскорбленными, хотя создатели фильма говорят, что не хотели никого обидеть и вообще делали не исторический фильм, а фэнтези. Как вы относитесь к подобным сериалам?

— Я не видел этот фильм. Но могу сказать, как отношусь к Золотоордынскому периоду нашей истории. В нем было много и хорошего, и плохого, как в царский и советский периоды, но если мы будем представлять это время как татаро-монгольское иго, то тогда и Казахстан, и многие республики Советского Союза тоже могут говорить о русском иго, которое было 70 лет при советской власти. Не надо все представлять только так, что ужасные татары всех убивали. Да, столица России тогда была в Золотой Орде, много чего было. В то время русские братья-князья воевали друг с другом и друг друга даже убивали. А цари? Были разные. При советской власти тоже были и плюсы, и минусы. Такая была история.

Беседовала **Ольга Вандышева**

С гордостью говорю: «Я татарка»

В афише московского Электротейтра «Станиславский» появилась премьера – спектакль по пьесе французского драматурга XVII века Жана Расина «Андромаха». Это первая режиссерская работа на профессиональной сцене Лейсан Файзуллиной. Спектакль получился ярким и вызвал восторженные отзывы у зрителей. Лейсан окончила Казанский государственный университет культуры и искусств, Мастерскую индивидуальной режиссуры Бориса Юханнанова (МИР-4), училась на продюсерском факультете СПбГАТ. Во время студенчества ставила спектакли в Театре на Булаке и Театральной лаборатории «Выход 68» в Казани. Работала заместителем директора на съемках фильма «Бибинур» режиссера Юрия Фетинга, курировала театральные проекты в Министерстве культуры республики Татарстан, режиссировала концерты и эстрадные спектакли, в 2017-м была линейным продюсером проекта «Золотой осел. Дебюты» в Электротейтре «Станиславский». Во время интервью, которое было записано практически сразу после премьеры «Андромахи», Лейсан заявила, что оставила работу в театре. О причинах неожиданного решения, театральной кухне и любви к татарскому языку – в нашем интервью.

Сцена из спектакля «Андромаха»

- Лейсан, ваше решение оставить театр, когда позади недавняя успешная премьера, как минимум, вызывает недоумение. Что произошло?

- Я театр очень люблю, но у нас какие-то тяжелые отношения. У меня сейчас аллергия на театр. Внутри театра в той или иной роли я уже 20 лет и пока у нас с ним все не просто. Когда к нам в Электротейтр приезжал знаменитый режиссер и теоретик театра Теодорос Терзопулос, рассказывал, что в его жизни был момент, когда он не мог ничем заниматься и отправился в долгое путешествие. Надо было полностью потерять себя и найти заново. Потому что всегда, когда ты занимаешься профессией, надо понимать для чего и зачем ты это делаешь. Сейчас в моей жизни настал такой момент.

- Надеюсь, это не связано с каким-нибудь конфликтом с главным режиссером Электротейтра?

- Нет-нет, с Борисом Юрьевичем у нас прекрасные отношения. В этом смысле я неконфликтный человек. В принципе, не люблю, когда люди ругаются: сразу как-то сердце начинает щемить. Это, видимо, восточное... В первое время меня ломало, когда приходилось руководить взрослыми артистами, которым по 50 лет и больше, ведь в нашем татарском менталитете заложено почтение к старшим. Если перед тобой бабушка или дедушка, обязательно «исәнмесез-саумесез, чай эчәсезме». Люди старшего поколения совсем другие, и непонятно, как вам встретиться, потому что спектакль, который ты создаешь, в иной точке вселенной.

- Тем не менее наш разговор неизбежно будет крутиться вокруг театра. Почему для своего режиссерского дебюта вы выбрали пьесу Расина, интерпретирующую древнегреческую мифологию?

- В мастерской Бориса Юханнанова мы много времени посвящали античности. Столько всего было перечитано про ту эпоху и о взглядах греков и римлян на жизнь! К тому же, видимо, у меня есть склонность к трагическим вещам, когда герой стоит перед выбором: хочу, но надо; могу, но не хочу... Интересен сам механизм того, как можно что-то захотеть, как человек принимает решение.

- В вашем спектакле удивительный второй акт: герои обездвигаются, как будто провалились в землю, и из своих ям произносят страшные монологи, решая, кому и как погубить. Врачную картину сопровождает выразительная видеопроекция и стоны двух хористок. Вам не страшно было заморозить действие, обездвигать актеров?

- Мне второе действие нравится даже больше, чем первый, потому что оно работает. Мой любимый акт.

- И мой тоже. Актеры, видеографы, художники что-то от себя привносили?

- Есть разные методики работы. Можно предлагать конкретные решения и требовать их выполнять, а можно вести с участниками спектакля диалог. Это тот метод, которому мы были научены у Бориса Юрьевича. Если ты ничего не предлагаешь, у тебя только один путь – в перформативное искусство, то есть

стать очень крутым исполнителем. Есть люди, которые предназначены для этого: дайте мне рисунок, маршрут и я по нему круто проеду. А есть те, кто говорит: дайте мне внедорожник, точку старта и финиша, и я сам вырлужу туда, куда надо. Разные тела и разные души приспособлены для разного. Режиссеру в этом смысле сложнее: ты работаешь с чем-то невидимым, иногда можно показать и рассказать, как нужно сделать, а иногда это невозможно. Ты строишь историю, которой как бы нет, но она есть.

- А понятие референса есть в театральной режиссуре? Я знаю одного кинорежиссера, который говорит, что у него на площадке запрещено слово «референс».

- На самом деле, можно все что угодно. Рамок нет. Ты можешь строить диалог с группой, как угодно. Другое дело, что всегда может прийти в театр более маститый композитор или художник и сказать: «Как привык работать, так и будут работать».

У меня нет какой-то окончательной методики, я ее не выработала. Я к ней стремлюсь. Вопрос, буду ли я вообще когда-то заниматься театром. Другое дело, что театр от меня не отстает, как только я оттуда ушла, посыпались какие-то предложения.

- Может быть это знак?

- Возможно, но пока я совсем ничего не хочу. У меня есть несколько проектов. Есть своя студия, которая производит видеорекламу. Сейчас мы выпускаем книгу моей подруги Ирины Барабановой, которую она пишет несколько лет. Еще есть мысль запустить ютуб-канал с консультациями юриста по проблемам в сфере культуры. Плюс я вышла замуж и занимаюсь мужем и семьей. Это отнимает какое-то время. Учусь готовить и получается очень хорошо. Это тоже творчество.

- Если вернуться к самому началу, почему вы решили стать режиссером?

- Когда я заканчивала школу, у меня был выбор: либо пойти в театральное училище на актерский факультет, либо пойти на режиссуру к Рашиду Загидуллину, который как раз набирал студентов в Казанской государственной академии культуры и искусств. Я понимала, что очень строптивая девочка и слушаю всех, кто приходит ставить в театр спектакли, просто не буду. Буду разворачиваться и уходить, говорить какие-то плохие слова, обижать и вообще вести себя очень плохо. Еще меня очень пугало, что я буду десятки раз выходить на сцену и произносить одни и те же слова. Я думала, просто умру. Это все равно, что каждый день готовить одно и то же блюдо. Так что не пошла на актерский. К тому же курс набирали женщины, а учиться у женщин мне не хотелось.

- Сексизм?

- Да нет, я бы не стала это так называть, просто есть какие-то предубеждения, и от них никуда не денешься.

- Есть мнение, что режиссер не женская профессия. Недавно эту мысль озвучил Сергей Женовач, за что ему крепко досталось от общественности. Вы сталкивались с достойными женщинами-режиссерами?

- По крайней мере, на том курсе, который я заканчивала у Бориса Юханнанова, мне очень нравятся девочки. Они талантливые, знают, что такое текст, и умеют с ним работать. Тем, что называется профессией, они реально владеют. Другое дело, что потом начинается гонка за равенство. Я долгое время соревновалась с мужчинами и не понимала, что не могу быть как они. У них мозг устроен по-другому, они думают иначе. Те вещи, которые я им говорю, просто не воспринимаются, потому что они из сферы иного. Все-таки я, как женщина, все время стараюсь подстраиваться, и это мешает заниматься режиссурой – выстраивать генеральную линию. Очень сложно с женским, материнским сердцем в этой профессии. У кого-то на репетиции болит голова или живот, - и все мое женское человеческое нутро говорит: отпусти его, не мучай. Или я знаю, что актрису дома ждет маленький ребенок, и мне от этого плохо. Но в то же время у тебя сроки, премьеры, и ты не можешь идти ни у кого на поводу. Как с этим справляться, я до сих пор не знаю.

- Лейсан, как вы оказались в съемочной группе фильма «Бибинур». Надо заметить, одной из лучших на сегодня картин на татарскую тему?

- Изначально меня позвали работать на проект консультантом, потому что я хорошо знаю татарский язык, без которого работать в Татарстане практически невозможно. Нашла деревню Алгаево в Мамадышском районе, где и сняли в итоге весь фильм. Я ходила во все эти районные организации, договаривалась с администрацией, милицией. Было весело. А потом я работала

продюсером на съемках документальных фильмов о Салихе Сайдашеве и Габдулле Тукае.

- Обычно у городских ребят проблемы с родным языком? Как и где вы выучили татарский?

- Я выросла в Казани, но у меня родная тетя живет в деревне Ромашкино Чистопольского района Татарстана. Летом на каникулах я ездила в деревню, пасла и доила коров, полола сорняк, поливала огород. Волей-неволей приходилось общаться на татарском. Потом мы переехали в другой район Казани, и я стала учиться в татарской школе. На тот момент даже не знала, что означает слово «жавап» - ответ. Там у нас был прекрасный педагог по литературе, я писала стихи и сочинения на татарском языке. Сейчас, конечно, уровень уже не тот, но если на неделю засесть за книги Фаниса Яруллина и Абдрахмана Абсаямова, то, думаю, литературный язык быстро восстановится. Когда я переехала в Москву, вдруг отчетливо начала осознавать, что я иная, из другой жизни. Все вокруг русские, а я не такая, с другим именем, которое все время переспрашивали. Приходилось говорить: «Знаете гимнастку Лейсан Утяшеву?» Я всем с гордостью здесь говорю, что я татарка из прекрасного города Казань, рассказываю о нашей культуре, и все с интересом слушают. Ни разу не столкнулась в Москве с каким-то негативом из-за своей национальности. А когда бывает безумно грустно, включаю старую музыку – Ильхамы Шакирова или Альфию Авзалову. Люблю Мубая. Сижу, слушаю и хорошо на душе становится.

- А в Казани часто приходится бывать?

- Приезжаю к родителям раз в несколько месяцев.

- И какие эмоции вызывает город?

- Там даже божьи свои, все такое нелепое, но свое родное... Такое маленькое, как красивая бархатная шкатулка.

С актрисой Фирдаус Ахтямовой на съемках фильма «Бибинур» 2009 г.

- Остались в Казани друзья или связи распались?

- Есть одна очень хорошая подруга, но она никак не связана с театром. А так, чтобы поддерживать связи-отношения?... Наверно, для этого нужна какая-то химия, в Москве сложно с друзьями свидеться. Получается, что дружишь с тем, с кем работаешь, или с тем, с кем делаешь проект. А если этот объединяющий момент уходит, очень сложно держаться вместе. Очень круто, когда семья держится на каком-то интересе: любовь и кровь.

- А ваш муж из театральной среды?

- Нет, слава богу...

- Он татарин, который авторитарин, как поет наша землячка Айгел Гайсина?

- Он не татарин, но авторитарен. Я бы сказала, еще более авторитарен, чем обычный татарин. Видимо, хочется такой жесткой руки после татарского детства. Знаете, как это бывает? Пока папа за стол не сядет, никто не кушает. Папу ждем значит... Смешно, да?!

- Если продолжить фразу: «Я хочу...»

- Я хочу просто один день полежать дома и отдохнуть.

Лейсан Ситдикова

Рифхат Сабиров

Вспомниная Булата Мансурова...

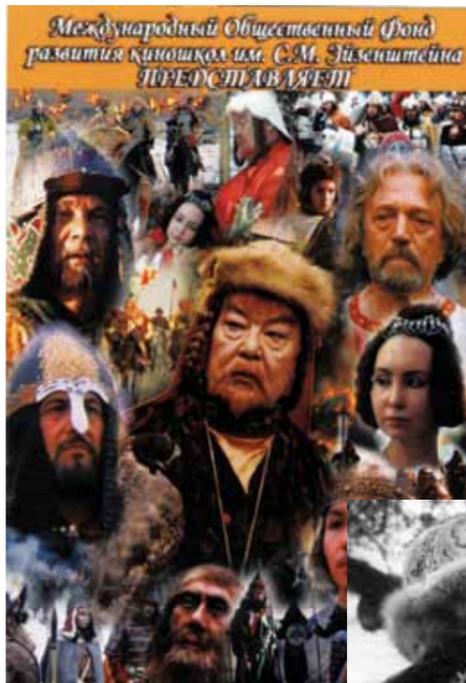
Мы познакомились с известным кинорежиссёром Булатом Мансуровым в Доме кино в Москве в 2006 году. Я встретил его внутри служебного входа, куда вышел после показа на Московском кинофестивале фильма моей знакомой по Казани - теперь уже тоже известного кинорежиссёра Марины Разбежиной "Яр" по повести Есенина.

Мы поговорили, и он дал мне свой телефон. Потом в газете "Татарский мир" напечатали мою подборку стихов со стихотворением, которое было посвящено киноработе последних лет Мансурова "Сага древних булгар".

Это семь картин по истории татар. Мне пришлось потом в качестве исполнительного директора Международного фонда развития киношкол им. С.М.Эйзенштейна более пяти лет продвигать этот труд всей жизни мастера.

Конечно, Мансурову не удалось завершить картину "Сага о Кубрате" - о выдающемся хане Великой Причерноморской Булгарии, предков современных татар. Консультантами "Саги" были академик Лихачев, Лев Гумилёв и видный татарский историк, археолог Альфред Халиков. Булат Багаутдинович проделал титаническую работу по восстановлению исторического прошлого татар, он сумел перелопатить огромное количество исторических источников.

Вот некоторые сейчас говорят, что у Мансурова ничего не получилось, мол, он не справился с поставленными задачами. Дескать, постарел и выдохся.

Не могу согласиться с этой точкой зрения. Булат Мансуров был и до последнего вздоха оставался гениальным кинорежиссёром и человеком. Другое дело, что с теми скудными средствами, которые он имел, Мансуров, вообще, умудрился хоть что-то создать.

Я считаю наиболее удачной из всего цикла "Сага об Аттиле". Благодаря Мансурову, я узнал, что Аттила - прародитель тюрков и татар. Великий завоеватель. Роль Аттилы убедительно сыграл талантливый актёр из Казахстана, татарин по матери, Арман Асенов. В картине меня поразили поэтический танец-битва - поединок близнецов, когда Аттила убил своего брата в борьбе за власть.

Братьев сыграл Арман Асенов в результате монтажа. Режиссёр по-своему переосмыслил судьбу Аттилы. В финале Аттилу убивает отравленным кинжалом подосланная женщина.

За убийство брата рок карает Аттилу в конце его истории. Снято поэтично и точно. О картине "Сага о любви дочери Чингисхана" написал статью известный киновед Кирилл Разлогов, который полагал, что образ Чингисхана лучше всего получился именно у Мансурова в исполнении корифея казахского кинематографа - актёра Асанали Ашимова. Лучше, чем у Бодрова и других. Это его мнение.

Конечно, Мансуров не успел довести всю "Сагу древних булгар" до ума: не хватило средств, технических, в том числе, не хватило жизни.

Актёрский ансамбль "Саги" великолепный: Лановой, Куравлев, Быстрицкая, Дворжецкий, Анна Михалкова, Татьяна Борисова и другие.

Булата Мансурова я сопровождал на разные деловые и дружеские встречи. В офисе Фонда висела фотография, на которой Путин жмет руку Мансурова, при вручении ему звания народного артиста России.

«Каким был кинорежиссёр Булат Мансуров?» задаю я иногда себе вопрос. Разным. Меня поразило его трудолюбие. Он просыпался в 10 часов утра и сразу будил меня. Мы встречались, и я с утра до самой ночи исполнял его поручения и задания: печатал на компьютере и относил письма в Администрацию Президента России и в Администрацию Премьер-министра России. Встречался с помощником Президента России и другими важными персонами.

Я отвозил DVD-диски на разные каналы телевидения. Помню, как-то раздался снизу звонок в дверь Фонда: пришёл фельдье-

МАНСУРОВ БУЛАТ БАГАУТДИНОВИЧ
7 июля 1937, Чарджоу, Туркменистан — 11 марта 2011, Москва

Сценарист, режиссёр, продюсер. Народный артист РФ (2003).

Учился в педагогическом институте. В 1963 году окончил режиссёрский факультет ВГИКа (мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой).

Булат Мансуров готовился стать скрипачом и композитором. Уже занимаясь заочно в Ташкентской консерватории по классу композиции, он поехал в Москву поступать в киноинститут. И не прошёл по конкурсу. На следующий год повторилась та же история. Вскоре пришёл срок призыва в армию. Отслужив, Булат работал некоторое время радиомастером в ашхабадском аэропорту и затем отправился во ВГИК сдавать экзамены в третий раз. Тут, наконец, ему повезло, он попал на курс режиссёра С.А. Герасимова.

В 1955-1959 годах — аккомпаниатор и музыкальный руководитель Чарджоуского Дома пионеров. Служил в СА во Фрунзенской консерватории.

С 1976 года — режиссёр киностудии Мосфильм. Педагог ВГИКа. Художественный руководитель фильмов: «Деревенская мозаика» (1980), «Восьмой день недели» (1994) и другие.

Ушел из жизни на 74-м году жизни.

ПРИЗЫ И НАГРАДЫ:

1964 — смотр-конкурс кинематографистов республик Средней Азии и Казахстана (Диплом, фильм «Состязание»).

Автор сценария и режиссер-постановщик фильма «Утоление жажды», получившего Диплом II ст. на смотре-соревновании кинематографистов республик Средней Азии и Казахстана (1967 год).

1970 — смотр-конкурс кинематографистов республик Средней Азии и Казахстана (Спец. диплом, фильм «Рабыня»).

1992 — Международная премия Туркменистана имени Махтумкули (фильм «Состязание»).

герь из Администрации Президента России и принёс письмо, в котором "Сага древних булгар" одобрялась и рекомендовалась для показа по телевидению. Но со временем наступили новые времена: на телеканале "Россия" отказали и на других тоже. Их интересовали боевики и разного рода развлекаловка.

Помню, меня поразили слова княгини Ольги из картины "Сказание Ольги Святой": " Бог открывает человеку только ту часть истины, которую человечество готово воспринять". Человечество ещё многое не готово воспринять.

Мансуров был очень гостеприимным человеком: всех, кто к нему приходил, он готов

заработать левые деньги.

Мансуров отличался требовательностью и строгостью, когда того требовало дело. Актёрский исполнил главную роль в фильме Мансурова "Картина", и считает эту роль своей лучшей, Лев Прыгунов говорил мне: «Как ты смог выдержать Булата так долго?»

Иногда и я не выдерживал, бросал всё и уходил. Но не на долго, очень скоро возвращался. Мы понимали друг друга. Уважали и любили. У меня порою возникало ощущение, что Мансуров - это я в другой жизни.

Он обладал сверх способностями, но не рекламировал это. Ведь он год учился у самого Шостаковича и мог стать композитором. Но Мансуров выбрал кино и учился у Сергея Герасимова во ВГИКе.

В кино он знал всё: от А до Я.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Мансуровым. Мы очень сильно с ним любили свой родной татарский народ. Он хотел восстановить историю своего любимого народа и показать миру его высокое, достойное для подражания прошлое.

Что получилось и не получилось у Булата Мансурова станет известно позднее, ведь время, как говорят итальянцы, самый честный человек. Но творчество его уже давно изучают во ВГИКе и в ГИТИСе, а это говорит о многом.

был угощать всем, что у него есть, поил и кормил. И во время киносъёмки не было предела его щедрости и гостеприимности.

Люди его уважали и любили. Одна самая обыкновенная работница Дома кино говорила мне, что, когда её семья загибалась от безденежья, Мансуров дал работу и спас их от многих унижений. Помню еще, известная болгарка готова была покупать DVD-диски с "Сагой" за любые деньги. Ведь Кубрат - отец хана Аспаруха - основателя Болгарии. Но он категорически отказался от возможности

Ләлә Сабирова

Ике рәхмәт – бер көчөк

Бер көнне Фэндүс маңгаенда ап-ак йолдызы булган кап-кара йонлы бәләкәй генә көчөк күтәреп кайтып керде. Икесе дә пычракка батып беткән иде, боларны күрүгә, әнисе ачуланып борынын жыерды:

– Фу-у! Каян таптың бу нәрсәкәйне? Өйгә эт кертмиләр, бар, чыгарып ташла аны!

Әллә тунудан, әллә куркудан көчөк дер-дер килә иде. Фэндүс аны тагын да кысыбрак тотты.

– Әни, беләсеңме, аны чокырга ташлап киткәннәр. Әллә үзе егылып төште микән? Шундый кызганыч тавыш белән шыңшып ята, мескен. Көчкә чыгардым.

Әнисе берәз гына йомшара төшкән кебек булды.

– Ярар, энә, сөт эчер дә, урамга чыгарып куй. Берәрсе алып китәр эле. Иә хужасы үзе эзләп табар.

– Урамда тунып үлә бит ул, әни! Бүген генә менә шушы почмакта ятып торсын инде!

Әнисе, ни әйтергә белмичә, бер улына, бер көчөккә аптырап карады. – Сал, алайса, астына бер иске пәлтә. Бер кичкә генә булса инде. Эттиң дә яратмас.

Фэндүс Шукбайны (ул аңа кушылачак исемне юлда кайтканда ук уйлап куйган иде – шуклангандыр, шуңа чокырга ташлап киткәннәр инде аны) урнаштырып кына бетергән иде, урам якта машина гөрелтесе ишетелде. “Эти кайтты!” – дип, малай аның каршысына ук чыгып йөгерде.

– Беләсеңме, әти, – дип аңлата башлады ул аны күрә-күрешкә, ашыга-ашыга. – Шукбай бер генә кич безнең өйдә йоклап торсын инде, яме! Иртәгә мин аны ишек алдына чыгарырмын.

Этисе нинди Шукбай турында сүз барганын аңлап өлгергәнче, өйгә кереп житкәннәр иде инде.

– Ә-ә! Шушы көчөкне әйтәсеңмени? Ярар, йокласын соң. Иртәгә син аны хужаларына илтеп бирерсең.

– Нинди хужаларына? Чокырдан табып алдым бит мин аны. Юк аның хужалары.

– Юк булса, юк булыр. Башта эзләп кара эле. Иә энә кибет стенасына белдерү ызып эләрсең. Үзләре килеп алырлар.

Фэндүс бик күңелсезләнде. Йокларга ятканчы, көчөк тирәсендә бөтерелде. Аннары да урынында әллә никадәр पोшыргаланып ятты.

Этисе бер генә әйтә ул. Шуңа күрә икенче көнне малай башта тирә-күршеләрне йөрөп чыкты. Берсе дә көчөк югалтмаган иде. Һәрберсенә куркып

кына керде, шатланып чыкты.

– Этнең хужасы юк, – дип хәбәр итте ул аннары әнисенә. – Мин аңа ишек алдында оя ясап бирәм, яме?

Әнисе “Нишлисең инде синең белән?” дигән сыман иңнәрен сикертте. Аннары үзе дә чыгып булышты, такталарын тотышып торды. Көчөкне Фэндүс күтәреп чыкты, әнисе тәлинкә белән аш чыгарып утыртты.

– Мескенкәем, кемнәр ташлап калдырды соң сине? – дип, башыннан сыйпады. Тегесе дә, аңа иркәләнгән сыман, оеп кына ятып торды. Кичен этисе Фэндүс корып куйган ояны мактады. “Булдырасың икән!” – диде. Алай да кибет стенасына белдерү элөп куярга оныт-маска кушты. Язса да язды, язмаса да язды Фэндүс ул белдерүне. Ябыштырып куйгач, ярты сәгәтләр кибет тирәсендә йөрөп торды. Кешеләр укыйлар да китәләр, укыйлар да китәләр.

– Берсенәң дә эте югалтмаган, – диде ул әнисенә, өйгә кайткач. Аннары кичкә кадәр Шукбай янында булды, берәрсе алып киткәнче уйнап калыым, дип уйлады. Ашатты, эчертте, астын жыештырды, урам

әйләндереп алып кайтты. Аннары, икәүләп, теге белдерүне кире барып алып кайттылар.

– Шукбайның хужасы табылмады, – диде Фэндүс, этисе эштән кайткач.

– Ярар, табылмаса, үзөбездә калыр, – дип рөхсәт итте этисе. – Яхшылап тәрбияләргә кирәк түлке. Эт уенчык түгел ул.

Фэндүснең түбәсе күккә тиде. Шукбай белән бик дуслаштылар. Дустан аны мәктәпкә кадәр озата бара, аннары да кайтканыңны көтеп житкерә алмый, ди әнисе. Бер ай дигәндә көчөк үсте, тагын да матурайды, көрәйдә. Фэндүс аны үзенә командаларын үтәргә дә өйрәтә башлады.

Бер көнне шулай уйнап ятулары иде, чәче-башы тузгыган бер малай капкадан башын тыкты.

– Акмаңгаймы бу? – диде ул, исәнләшми-нитми генә эткә төртеп күрсәтеп. Фэндүснең бу тәкәллексез малайга ачуы чыкты:

– Ниңди Акмаңгай ди, Шукбай ул! – диде. Шукбай да, колакларын тырпайтып, нечкә генә тавышы белән өргән сыман итте.

– Менә бит, менә! – диде “кунак” малай, көчөккә күтәреп алды да, маңгаендагы “йолдыз”ына төртеп күрсәтте. – Безнеке ул! Эти чыгарып жибәргән булган аны. Ачуы килгән вакыты булган. Кибет стенасындагы белдерүне күргәч тә безгә әйтмәгән. Хәзер менә үзе үк таптыра. Жәллим, ди, зерә чыгарып жибәрдем, ди.

Фэндүс “ә” дә, “жә” дә димәде, Шукбаен күтәреп алды да, күкрәгенә кысты. Тәки алып китәләр микәнни? Чыгарып кына жибәрмәгән аны бу малайның этисе, чокырга илтеп ташлаган. Тагын ачуы килер аның, тагын чыгарып ташлармы?

Әнисе чыкмаса, эш зурга китәсе иде. Хәлне аңлагач, улына жайлап кына аңлатты:

– Безнеке түгел бит ул, нишләтәсең инде, – диде. – Эттиң белән сөйләшеп, икенче көчөк алып кайтырбыз сиңа, – дип юатты.

Кирәкми аңа икенче көчөк! Алып китәсе булгач, ник алданрак килмәгәннәр? Бөтенләй ияләнеп беткәч...

Теге малай килеп ябышкан иде инде Шукбайга, Фэндүснең кулларын ычкындырмый хәле булмады. Үзе менә-менә елым дип тора. Шукбай да өрү түгел, кызганыч итеп шыңшыган тавыш чыгарды. Үзе каерылып-каерылып Фэндүскә карый. “Ник читләргә биреп жибәрәсен мине?” диюдер инде. Теге малай бер кулы белән этне кочаклаган иде, икенче кулы белән кесәсеннән зур гына плитка шоколад тартып чыгарды.

– Мә, бу сиңа, Акмаңгай өчен! – диде.

Нәрсәгә кирәк Фэндүскә аның шоколады! Ул һаман да Шукбайга күзләрен мөлдәртеп карап торуында булды. Теге малай шоколадны эт оясы өстенә куеп чыгып китте.

Абзар артына чыгып та елады Фэндүс, йокларга яткач, мендәрәне капланып та шыңшыды. Эти-әнисе сүз әйтмәде. Юатмадылар да, тиргәмәделәр дә. Шукбайны да, Фэндүснә дә жәлләгәннәрдер инде.

Икенче көнне Фэндүс теләр-теләмәс кенә мәктәпкә барырга чыккан иде, аптырап китте: каршысына туп-туры кичәгә малай жылфердәп килә иде. Кулына Шукбайны күтәргән. Үзе, юлыннан тукталмыйча гына:

– Әйдә, кер эле кире, – диде. – Мә көчөгегне. Төне буге елап, шыңшып чыкты. Беребезгә дә йокы бирмәде. Этинең бик ачуы чыкты, күземә күрсәтәсе булма бүтән, диде. Оныткан инде ул безне. Шактый вакыт узды бит.

Фэндүс Шукбайга ничек килеп ябышканын да сизмәде. Тегесе дә аның кулына күчкәч, нишләргә белмәгәндәй кыланды. Әле битен ялай, әле башын күккә таба сузып, өргәндәй була.

Теге малай капкага таба борылган иде инде, Фэндүс, исенә килеп, ул кичә эт оясы өстенә куеп калдырган шоколадны үрелеп алды.

– Мә, сиңа, Шукбай өчен, – диде.

Теге малай шаркылдап көлеп жибәрде. Ник көлгәндер инде. Аннары шоколадны чырт иттереп икегә сындырды:

– Рәхмәт ұртак булсын! – диде.

Ринат Мухамадиев

А песня остается...

Музей татарской литературы в Арске

На мой взгляд, название Арска (тат. Арча) — административного центра Арского района Татарстана известна каждому татарину с самых малых лет. Для этого есть веские причины. А мне татарскому писателю, возглавлявшему в течение многих лет Союз писателей Республики Татарстан, знакомы здесь подавляющее большинство населенных пунктов и исторических достопримечательностей. Здесь родились, начинали свой жизненный путь и творчество многие мои наставники и друзья. Целый ряд из которых на этой святой земле — своей малой родине — нашли и вечный покой. Следуя известным строкам из поэмы Габдуллы Тукая «Шурале», я бы сказал: «Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему храню».

Город Арск расположен на реке Казанка, в 65 км к северо-востоку от Казани. Название Арска восходит к общетюркскому слову «арт» («задний, тыльный»), поскольку крепость Арска издавна была северным тыловым форпостом Казанского ханства, хотя я бы с таким определением принципиально не согласился. Но пока мы это оставим на другой случай, не об этом речь. Эти места, где расположен Арск, татары с особой нежностью называют Казан арты «Заказанье», в буквальном переводе «тыл Казани».

Есть версии, что название произошло от удмуртских племен, что населяли этот край, так как их называли арские люди, аряне, арийцы. В языках тюрков Поволжья и Предуралья — татар, башкир и чувашей — существует этнический термин «ар», которым именуют удмуртов. Подтверждением этому служит множество финно-угорских топонимов на территории Арского района и в соседних районах РТ, а также в Марий Эл.

Арск был основан, по преданию, в XIII веке ханом Батыем. А в русских летописях

крепость Арск впервые упоминается в 1497 году. С 1606 года Арск стал русской крепостью.

Местное население здесь испокон веков занималось земледелием, разведением скота, мукомольным, кузнечным, плотничным, кирпичным, шерстобитным, портняжным промыслами.

В 1938 году город Арск превратился в посёлок, а спустя еще 70 лет снова получил статус города.

Народ здесь весьма своеобразный, выделяется не только трудолюбием, упорством и целеустремленностью, арчане, прежде всего, во всем талантливы, на все происходящее в мире есть у них своё собственное мнение и отношение. Простой пропагандой и уговорами их с пути не собьешь. Ответят «да», но всё равно решат и сделают по-своему! Такой вывод я делаю исходя из собственных наблюдений и богатого опыта общения с выходцами из этих мест. Об этом, в частности, свидетельствует и надпись на памятнике, что воздвигнут в центральной площади города. В то время, когда по всей Европе и России с пьедесталов снимали вождей,

Творческий уголок Гарифа Ахунова

самое известное издание. Все мы начинали путь к знаниям и литературе, своё служение Родине и родному народу с этой уникальной книги.

8 декабря 2009 года в центре города открылся еще один уникальный объект - Арский историко-этнографический музей «Казан арты». Его экспозиция представляет историю, культуру, традиции татарского народа на примере Заказанья — Арского края. Здесь можно окунуться не только в атмосферу прошлого, узнать и увидеть, чем жили наши предки, но и познакомиться с достижениями и людьми района.

В музее, кроме краеведческой экспозиции, есть кабинет председателя колхоза, интерьер татарского дома времен Второй мировой войны, школьный класс советского периода со всеми принадлежностями той эпохи. Среди экспонатов — изделия народных промыслов и ремесленные инструменты. Есть ручные каменные жернова, стол мастера по серебру, интерьер мастерской по производству изделий из кожи и др.

В структуру музея входят: отдел литературы и искусства (г. Арск), музей «Алифба» (г. Арск) и музей М. Магдеева (д. Губурчак) на правах филиалов. Кстати, каждый из них уникален и достоин особого внимания посетителей этого «дивного края».

В последнее время в каждый свой приезд в Арск первым делом я посещаю музей литературы и искусства, его филиалом называть я не могу, хотя таковым и является. Слово магнит к себе тянет этот уютный двухэтажный деревянный особняк, просто невозможно проехать мимо него. Здесь я вновь и вновь встречаюсь с атмосферой жизни и творчества своих старших братьев по перу, на книгах которых мы получили воспитание, многими из которых затем в течение десятилетий бок о бок работам, де-

они воздвигли памятники победителям, где золотыми буквами выделено факсимиле И. Сталина: «Наше дело правое, мы победим».

Арск — колыбель татарской поэзии. Здесь родился великий сын татарского народа поэт Габдулла Тукай. Большой популярностью пользуются мемориальный комплекс поэта Габдуллы Тукая в д. Кырлай, музей-усадьба семьи Тукаевых на родине Габдуллы Тукая в деревне Кушлавич.

В Арске функционирует единственный в республике музей литературы и искусства, единственный в мире музей «Алифба». Здесь же работает музей образования.

Арский район гордится авторами «Алифба» Р. Валитовой и С. Вагизовым. Они долгие годы преподавали в Арском педагогическом колледже татарский язык

лился хлебом-солью. Гумер Баширов, Сибгат Хаким, Гариф Ахунов, Мухамет Магдеев, Мустафа Нугман, Фарваз Миннуллин, Рафаил Тухватуллин, Диас Валиев, Радик Фаизов и еще десятки имен. Но для меня каждый из них — целый мир... О каждом можно было бы часами без устали рассказывать, а то и писать целые романы. Своё становление как писателя я не могу и представить в отрыве от тех часов, дней и десятилетий общения с этими удивительно талантливыми, духовно щедрыми мастерами художественного слова.

Экспозиция музея представляет материалы о 40 писателях и 20 деятелях искусства и науки, чьи судьбы связаны с краем. Среди экспонатов XVIII - XIX вв. — документы и личные вещи просветителей Г. Курсави, Ш. Марджани, Ш. Культеси, драматурга Г. Камала и поэта Г. Тукая...

Тема гражданской и Великой Отечественной войн представлена материалами о жизни и творчестве народного писателя Г. Баширова, писателей Анаса Галиева, Госмана Бакирова, Махмута Галая и др.

В отдельном зале демонстрируются изделия прикладного и изобразительного искусства, портреты и личные вещи актеров...

Рабочий кабинет в музее Мухамета Магдеева

и литературу, детскую литературу, методику татарского языка в начальных классах. Изданные ими учебные пособия и методические разработки до сих пор остаются настольными книгами всех учителей. А «Алифба» среди них

Посещение Арска в августе текущего года для меня стала вдвойне незабываемой еще и потому, что я спустя два десятилетия вновь посетил родную деревню своего близкого друга и наставника, пожалуй, самого популярного в народе татарского писателя 70-80-х годов прошлого века Мухамета Магдеева. В первый раз мы сюда, в его родной дом, приезжали вместе, а теперь вот посетил его родной дом и построенный рядом с домом уникальный музей писателя в кругу его родных. Впечатлениям и переживаниям нет предела... Думы и воспоминания только о нём. Улицы и переулки Губурчака, казалось, сегодня словно осиротели, а с увековечившим своих земляков, свою деревню и свой родной край мастером пера мы встретились только на деревенском кладбище. И долго-долго смотрел я молча на его фотографию. И впервые протянул своему наставнику белые розы...

Те же чувства вновь и вновь пришлось пережить и при посещении кладбища районного центра, где покоятся Гариф Ахунов, Гульшахида Ахунова, Рашид Ахунов... Такие близкие и дорогие для меня, да и для многих ценителей художественного слова писатели — целая семья...

Сам Арский район, своей удивительно красивой и первозданной природой — речками, озерами, родниками и лесами — мне порою представляется поэзией. Не только потому, что здесь родился Габдулла Тукай и десятки выдающихся поэтов-мыслителей татарского народа. Даже прозу писателей из этих мест воспринимает читатель как поэтическое произведение. Кто со мной не согласен, предлагаю прочесть «Родной край — зеленая колыбель» Г. Баширова, «Человек уходит — песня остается» М. Магдеева... Они искренно любили своих земляков, свой родной край и поэтому в течение всей жизни прославляли его. И песни этой нет конца, она с каждым годом звучит все громче и громче...

г. Арск

В музее истории и этнографии «Казан арты».

Шафигулла Гарипов, зам.директора музея; Гаухар Хасанова, дочь писателя М. Магдеева; Р. Мухамадиев; Радик Яруллин, директор музея; Рамиль Мухутдинов, начальник управления культуры Арска; Джаухар Галимова племянница М. Магдеева (слева направо).

Евгений Сингатулин, филолог-китаист

Наверное, в каждом татарине живёт-звучит поэзия Габдуллы Тукая, причём не как признак образованности и знания литературы, а как лейтмотив души. И часто, читая стихи его, удивляешься, что он прозрел многие наши душевные состояния, а порой и жизненные обстоятельства. Это дано только гениям, выразителям души своего народа. Есть у него коротенькое с лёгкой иронией написанное стихотворение «Могжиза». В вольном переводе на русский язык моим другом Хайдаром Бедретдиновым оно звучит так:

*Говорят – чудес не стало
В наш учёный трезвый век,
Необычного так мало
Видит нынче человек.
Но вчера, презрев законы,
Жизнь преподнесла урок:
Чудо – долг отдал знакомый
Полностью и точно в срок!*

Представьте – со мной тоже была подобная история, но закончилась она несколько иначе...

В самом начале 1990-х годов я – забайкальский татарин с образованием филолога – оказался в одном приграничном городе. Городок маленький, правильнее было бы сказать – приграничная станция, исторический центр русский, а одноэтажные окраины барачного типа ползущие вверх по сопкам китайские.

Китайцы – народ весьма поэтический, и язык их красив и утончён в описаниях окружающего их мира. Вот и вместо скучной и банальной приграничной станции китайцы почти официально называли этот населённый пункт Портовым городом. Портовый город посреди бескрайних внутреннемонгольских степей. Красиво...

Однажды под вечер я, как обычно, бродил по городу. Мимо спешили мои соотечественники-челноки, нагруженные баулами с дешёвым товаром, предназначенным для отправки на родину, местные уличные торговцы, менялы, зазывалы, переводчики всех уровней профессионализма, кидалы, воровалы..., впрочем, такого слова нет, назовём их пройдохами разных мастей, зарабатывающими чем придётся на улицах и рынках портового города. На то он и порт. Я не дошёл ещё до самой оживлённой центральной улицы, как до меня вдруг начали долетать доселе мне неведомые запахи шашлыка. На перекрёстке города было много торговцев небольшими китайскими шашлычками, вместо шампуров нанизанных на тонкие одноразовые бамбуковые палочки, все они пахли одинаково, не вызывая во мне особых вкусовых восторгов. Запах же шашлыка, который я почувствовал в тот день, был отличен от привычного, был не китайским, а, наверное, среднеазиатским, судя по раздающемуся запаху, приправленный то ли зирой, то ли корицей, красным перцем и ещё чем-то. Так, наверное, пахнут базары Средней Азии, где я никогда не был, но о которых много читал и слышал от других. Я поспешил на запах и вышел на центральную улицу. Оказавшись на перекрёстке двух центральных улиц, я увидел новых, раньше я их ещё не встречал в городе, шашлычников – уйгуров. Они стояли у длинного мангала, жарили, раздували веерами угли, густо посыпали готовое мясо восточными приправами и, явно работая на клиентов, с громкими криками на уйгурском и ломаном китайском языке раздавали пучки шашлыков на бамбуковых тонких, как вязальные спицы, шампурах покупателям. Народу вокруг них собралось много. Старый магнитофон, хрипло изрыгающий уйгурские песни, пытался заглушить голоса громкоговорителей покупателей и самих хозяев магнитофона, экзотических для тех мест торговцев в уйгурских тюбетейках. Увиденное меня заинтересовало, я нащупал в кармане юаневую мелочь и решил попробовать шашлыков и выпить бутылку местного пива.

– Шашилик, синьцзянски шашилик, давай пакувай, вкуса как дома, остра жылудак порвёт – душа согреть! Ай-я-яй! Адин юан три штука! Пириятнава апетита, дорогой, йеқимлик иштэй! – кричал самый старший из уйгур на очень ломаном, иногда трудно понятном китайском языке.

– Сыпь приправ побольше, не жалея! Хитрые вы синьцзянцы, но шашлыки у вас хороши! Давай ещё три штучки со скидкой! – шутил не менее хитрый на вид молодой китаец, судя по выговору, южанин. Южане – прирождённые торговцы, это всем известно, сами кого хочешь обведут вокруг пальца. Стоящие рядом местные китайцы смеялись шутке южанина.

– А ну-ка, синьцзянец, обведи южанина вокруг пальца, продай ему наперчённой собачатины вместо баранины, – кричали рядом стоящие. – Пусть ему перец глотку разорвёт!

– Э, какой сабака, сабака корейца иди, они там ресторан другой места! – отшучивался уйгур. – Сабака мясо мы не трогай! Торговать честно без обманки! Южанин усех обманывай, денег много и лицо не красный! Уйгур

– честный мусульманин! Денег мало!

Я пробрался к мангалу и стал ждать, когда и мне можно будет заказать парочку шашлыков. Старший увидел меня, осмотрел с интересом с ног до головы и сказал по-уйгурски: "Кериндасиң сен нәрлик?" – За своего принял, не иначе.

– «Мән сени чүшинимән, бирақ сөзләш қийин», – ответил я, собрав все свои знания уйгурского, мол, понимаю немного, но говорить не могу и добавил по-китайски. – Я из России.

– А почему по-уйгурски говоришь? – удивлённо, почти без акцента, спросил по-китайски уйгур.

– Мин татар. Без төрки халықлар, безнең телләр бик охшаш, – улыбнулся я. Уйгур улыбнулся в ответ, схватил пучок шашлыков и подал мне:

– Ва, угощайся, брат-кардеш! Очень хорошо, что ты пришёл!

Так мы и познакомились. Они оказались из города Урумчи китайского Синьцзяна. Татарский и уйгурский языки относятся к одной и той же тюркской семье языков. Почти каждый вечер я приходил на центральный перекрёсток – самое выгодное, как потом оказалось, место для торговли, покупал у своих новых знакомых бутылку пива, они угощали меня шашлычками, отказываясь брать деньги. Впрочем, я не злоупотреблял их дружелюбием, съедал за вечер лишь три – четыре шашлычка, делая вид, что я уже поужинал и ем лишь из уважения к своим новым друзьям. Хотя, скажу честно, шашлыки у них были отменные, если бы они позволили мне хотя бы один раз заплатить, я бы съел куда больше.

Старшего звали Сабуром. Сабур был невысоким, коренастым парнем лет тридцати. Его скуластое, типичное тюркское лицо с небольшим носом с горбинкой, было всегда покрыто недельной щетиной, и это сильно выделяло его от безбородых китайцев. Ходил Сабур то ли в морской, то ли в почтовой шинели с медными пуговицами и поднятым воротником. Эта щетина и вечно поднятый воротник шинели придавали ему особый колорит и даже, наверное, шарм. Сабур, как правило, всегда стоял у мангала, собирал деньги и выдавал сдачу, и лишь иногда подавал покупателям готовые шашлыки. Двое других, молчаливый и светловолосый, одетый в вечно мятый черный пиджак, Азамат, тоже лет тридцати, и совсем маленький, с большим горбатым носом, чернявый Алим, выполняли всю остальную работу. Причём Алим делал всю грязную работу: раздувал мангал, досыпал уголь, подносил ящики с пивом, расставлял табуретки. "Маленький Мук", – отметил я про себя, увидев Алима в первый раз. Уйгуры всем говорили, что они братья, хотя друг на друга они были совсем не похожи. И лишь познакомившись с ними поближе, я узнал, что Сабур – хозяин предприятия, Азамат – наёмный шашлычник, авылдаш Сабура, а Алима как бы на роль подмастерья, мальчика на побегушках, Сабур нанял на базаре в Урумчи, перед самым отъездом на Северо-восток. Однажды, уже под самое закрытие, когда рядом с мангалом уже почти никого не было, Сабур вдруг сказал мне: "Завтра джума, не хочешь с нами сходить на джума-намаз?" Я знал, что в городке есть своя дунганская мечеть, но там я никогда не был. Я никогда не считал себя человеком религиозным и никогда не думал о посещении мечетей или любых других культовых мест. "А ты знаешь, я никогда не был в мечети", – помедлив, признался я.

"Какой же ты мусульманин, если не ходишь в мечеть!" – с ужасом в глазах вдруг насторожился доселе молчавший Алим.

"Ва, а разве я тебе говорил, что я мусульманин?" – ответил я Алиму.

"Ты не мусульманин?" – в глазах Алима царил ужас. Я понял, что скажи я ещё слово, и никогда Алим мне не подаст пучка шашлычков и при этом не приложит правой руки к сердцу, никогда он больше не вытрет грязной тряпкой бутылку с пивом, прежде чем открыть её и подать мне. "Что ты, Алим, я, конечно же, мусульманин..., только я не умею делать намаз". Сабур и Азамат с интересом наблюдали за нашим разговором и молчали.

"Ну, это ничего, мы тебя научим. Правда, Азамат, мы научим татарина совершать намаз?" "Конечно, – вдруг серьёзно, без улыбки, сказал молчун Азамат, – это наш долг". Я не знал, что и сказать, но я понял, что я не могу отказать и должен идти с ними в мечеть.

– Тебе хорошо? – спросил меня Алим, возбуждённо заглядывая мне в глаза, когда мы вышли из мечети. – Ты теперь всегда с нами будешь приходить сюда? Когда я прихожу в мечеть и совершаю намаз, мне всегда становится очень хорошо, и тебе тоже будет хорошо.

Я чувствовал, что Алиму и правда, было очень хорошо. Говорил он, с трудом подбирая и коверкая китайские слова, часто мешая их с уйгурскими. От этого его речь была мало понятной, но выражение его глаз и правая рука, прижатая к груди, говорили за себя и не требовали перевода.

«Ну, мусульмане, жизнь хороша, пойдёмте и перекосим немного, отметим наше знакомство и этот хороший день!», – потирая руки и широко улыбаясь, сказал Сабур. К слову сказать, поближе познакомившись с ними, я понял, что и Сабур и Азамат хитрят: Сабур очень хорошо говорил на путунхуа, общепринятом диалекте, и лишь легкий северо-западный выговор выдавал в нём уроженца Синьцзяна. Азамат хотя и говорил с уйгурским акцентом, а обращаясь ко мне, он так же, как и Алим, добавлял уйгурские слова, но речь его была довольно беглой, с небольшими ошибками. И лишь шестнадцатилетний кашгарец Алим не притворялся: он и правда, плохо говорил на путунхуа. Вот и получается, что маленький Алим был всегда искренним с окружающим его миром, не притворялся. Азамат же и Сабур нормально разговаривали лишь со мной да дунганцами, братьями по вере. С китайцами же, как я понял, они нарочно коверкали слова и часто делали вид, что плохо их понимают. Мне хотелось спросить моих новых друзей, почему они скрывают от местных свои знания языка, но я понимал, что это не моё дело: мне-то они открылись, и этого уже было достаточно.

Мы пришли в небольшую дунганскую закускую, расположенную в старой русской избе, с таким же старым крыльцом под крышей, покрытой ржавым листовым железом. Китай издревле славился своей веротерпимостью, каких только религий нет в Поднебесной! Вот и мусульмане-дунгане живут и держат свои рестораны и закуские практически во всех больших и малых городах страны. Хотя ислам и запрещает алкоголь, но дунгане, то ли ради процветания торговли, то ли ещё по каким-то соображениям, нарушают этот запрет: в дунганских закусовых продаётся и пиво, и высокоградусные китайские рисовые, кукурузные и гаоляновые вина. Мы хорошо поужинали. Стол ломился от жареной баранины, лепёшек, лагмана, жареных соевых бобов и соевого творога с полевой капустой, тушёной курицы с грибами и крахмальной лапшой, и всё это запивалось ганьсуским вином. Старый дунганин, хозяин харчевни, в белой, как у всех дунган, тюбетейке и с жидкой длинной седой бородой тихо сидел за прилавком, смотрел за нашим пиром мутными старческими глазами и думал, наверное, о том, что пить всё-таки нужно меньше. В тот вечер я забыл обо всех своих ежедневных переживаниях и неустрашенности моего тогдашнего положения.

Сколько лет прошло, а я до сих пор помню ту пятницу, тот вечер во всех подробностях и красках, как они даже спели уйгурскую песню Дабанчэнских женихов.

*Наши камни тверды и гладки,
А арбузы круглы и сладки.
И длинна у одной коса,
И красивы у той глаза –
У красавицы, что живёт
У резных – вон у тех ворот.
Как увижу – бурлит в груди.
Говорю: "За меня выходи!
А другого гони, отвадь –
Нет, тебя у меня не отнять!
Приезжай с приданым, с добром
И с сестрой – жениха подберём.
Приезжай поскорей на арбе,
Что томится у вас во дворе.*

(Перевод с уйгурского – Х.Бедретдинова)

После этого вечера я ещё чаще стал с ними встречаться. Я бывал в их съёмном жилье, в китайском районе, тех самых кирпичных домах, построенных на сопках. Они снимали небольшой дом с небольшим двориком за глухим забором. Дом стоял в узком переулке, заваленном всяким мусором. Их соседями с обеих сторон были

пенсионеры, которых они нанимали для резки баранины на мелкие кусочки и насаживания кусочков мяса на шампуры. Старики постоянно то заходили в их дом, то выходили, брали из холодильника мясо и заносили аккуратно разложенные пучки шашлыков, которые на следующий день будут жарить на центральном переулке мои друзья. Мне хотелось как-то отблагодарить моих новых друзей, но я не знал, как и чем. Через некоторое время, впрочем, такая возможность мне представилась.

***

Моему безделью пришёл конец: на паях с китайским другом-русистом мы открыли переводческую контору. Кроме переводов, мы пытались заниматься ещё и посредническими услугами, что на первых порах приносило нам довольно хорошие деньги. Забегая вперёд, я оговорюсь, что коммерсанты всё-таки с меня и моего друга получились не ахти, ушлые китайские и новорусские предприниматели вскорости перестали пользоваться нашим посредничеством, а одними переводами в Портовом городе, где каждый сам себе переводчик, жить было трудно. Не проработав и года, мы были вынуждены закрыть контору. Но сначала дела у нас шли хорошо, и у меня появились деньги. Я был занят, и мы уже редко встречались. Каждый раз, когда я встречался с моими уйгурскими друзьями, я пытался их угостить, пригласить в ресторан, но одному против напора троих было трудно устоять: от моих угощений они отказывались и, как правило, за ужины платили они.

Наступила зима. Выпал снег, и город, как бы, стал чище: мусор, летавший по улицам города осенью, оказался под снежным покрывалом. Грязно-красные черепичные крыши китайских домов покрылись снегом и казались неестественно белыми и чистыми. К запаху снега примешивался запах угля, которым топился весь город. Бывало, я сидел у окна в своей конторе и смотрел на китайский квартал за железнодорожной линией, убегающий белыми от снега нитками переулков высоко в сопки. И лишь по красным стенам домов можно было догадаться, что это тот самый район, где я поздней осенью бывал у моих друзей.

Однажды дверь в мой кабинет открылась, на пороге стоял Сабур в неизменной то ли в морской, то ли в почтовой шинели с поднятым воротником и большим красным шерстяным шарфом. Форс морозу не боится, несмотря на холод, шинель была растёгнута и на голове не было шапки. Как и положено восточному человеку, Сабур долго расспрашивал о моём здоровье, о делах дома, нет ли писем оттуда, о работе, и лишь расспросив обо всём, что можно, он приступил к делу. Денег они в этом году зарабатывали мало и поэтому решили не возвращаться домой. Один из чиновников горуправы, заведомо Ван предложил посредничестве с арендой небольшого помещения, неподалёку от центрального перекрёстка, где они смогут открыть шашлычную на зиму, до весны. Для съёма помещения им не хватает двух тысяч юаней. "Ты не смог бы занять нам столько денег? Постараемся к китайскому наурузу отдать, а если дела пойдут хорошо, иншаллах, то и раньше отдадим", - заключил серьёзно Сабур. Человек так устроен, мы не любим давать в долг. Просьба Сабура меня не то чтобы сильно и озадачила, но, как бы сказать, показалась какой-то неуместной. Недаром же говорят, что дружба дружбой, а табачок врозь. Я, конечно же, не высказал своего недовольства, не хотел его огорчать, и поэтому почти сразу же против своей воли сказал, что деньги у меня есть и я принесу их ему завтра. Сабур очень обрадовался, поблагодарил меня и, сказав, что придёт завтра, ушел. Я, конечно же, покривил душой. В моём столе лежала небольшая сумма денег, я спокойно мог встать и отсчитать из пачки две тысячи юаней. Но я этого не сделал. В душе я надеялся, что Сабур передумает и им не понадобится завтра занимать у меня эти злосчастные две тысячи юаней, которые положили тень сомнения на нашу дружбу. Я никогда не был богатым, а в то время и тем более. Но благодаря моему труду у меня тогда появилось немного денег, с которыми, как оказалось, мне было трудно расстаться: я не доверял Сабуру. "А что, если они мне не вернут мои деньги? Нет, вернут...", они нормальные, хорошие, они считают меня другом. Нет, не вернут, в коммерции друзей нет. ...Вернут! Нет, не вернут! Ты положи эти деньги в банк, и к Китайскому новому году у тебя даже будет хоть и мизерный, но процент", - два «я» боролись во мне, один жадный и трусливый, а другой нормальный, с верой в людей. Но, слово не воробей, на следующее утро при-

шёл Сабур. Отдавая ему конверт с деньгами, я старался казаться дружелюбным и непринуждённым, даже наотрез отказался от расписки, которую хотел дать мне уйгур. Но это всё было показным, в душе я проклинал себя за показное доверие и вообще за то, что всучил деньги непонятно кому. Наверное, я бы смог стать хорошим артистом, Сабур, как мне показалось, ничего не понял и радостный, что я оказался настоящим другом и помог ему в нужде, вышел из кабинета.

Прошло несколько дней, заведомо Ван, и правда, помог уйгурам перебраться в теплое помещение неподалёку от центрального перекрёстка, и уйгуры без особого, принятого среди китайцев шума, сопровождающего открытие любого заведения, открыли зимнюю шашлычную. У них просто не было достаточно денег на угощения первых посетителей и чиновников горуправы, контролирующей общепит. Правда, как и летом, народ пошёл туда и без официального открытия. Шашлыки, которые жарил молчун Азамат, показной уйгурский колорит, создаваемый Сабуром, и расторопность Маленького Мука - Алима делали своё дело - народ ценит труд синьцзянцев и сразу же пошёл за ними в теплое помещение. Я и сам после работы пару раз, из вежливости, заходил посмотреть, но, сославшись на дела, почти сразу же уходил, не выпив пива и лишь взяв из рук наивного Алима парочку шампуров. Я боялся, что, чем больше я буду общаться с ними и есть их шашлыки, тем больше вероятность того, что Сабур, если и отдаст деньги, то не скоро, а с большими проволочками. Было куда благоразумнее воздержаться от общения. Так прошло ещё некоторое время, и под самый Новый Год трое уйгуров опять появились у меня в конторе. Азамат и Алим были одеты в голубые офицерские шинели с капитанскими погонами BBC SA, писк тогдашней китайской моды. Я не мог сдержать улыбку, увидев коротышку Алима в длинной, почти до пола, шинели. На Сабура была его неизменная почтовая шинель. На всех были российские норковые шапки, такие продавались по всему городу, считались очень модными и стоили очень дорого. «Разбогатели, - сразу обрадовался я, - деньги принесли.» И правда, без лишнего слов Сабур вытащил пачку денег и со словами благодарности положил их на стол. На душе у меня потеплело, уйгуры опять стали моими друзьями, я засуетился, предлагая им сесть и наливая кипятком из термоса в кружки, стоящие на чайном столике.

- Нет, нет, спасибо тебе, нам нужно идти. Мы на минутку, только занести тебе деньги. Ещё раз спасибо тебе, ты здорово нас выручил, - сразу же отказался от чая Сабур. - Нам нужно идти.

- Ну, хорошо, идите. Я был немного занят, поэтому и не заходил к вам. Как у вас идёт торговля? Похоже, что отлично, а?! Обещал деньги отдать к китайскому наурузу, а отдал к русскому! Молодцы вы! Я обязательно заскочу к вам в эти дни. Новый год скоро, границы закроют, и можно будет отдохнуть. Алим, стоявший немного за спиной Сабура, дернул его за рукав и что-то тихо сказал по-уйгурски.

- А да, Алим хочет с тобой сфотографироваться.

- Давай сфотографируемся, - сразу же согласился я, подумав, что Алим хочет отправить фотокартонку в дальний Кашгар и похвастаться покупками, шинелью и шапкой, и знакомством с русским татаринцом, который говорит по-китайски как ханьзурень, настоящий китаец. К моему удивлению, Алим снял и норковую шапку, и шинель и оказался в той самой чёрной кургузой куртке, в которой я всегда его знал. Он, как-то смущаясь, немелко пригладил торчащие в разные стороны давно немые длинные жесткие волосы, достал из куртки дешёвую японскую мыльницу, передал её Сабуру и встал по стойке смирно рядом со мной у окна, с видом на заснеженные сопки и ниточками переулков из красных стен и голубого неба со струйками дыма, тянущимися из красных царяпинок труб высоко - высоко к облакам. Теперь-то, немного познав основы фотографии, я знаю, что, к огромному сожалению Алима, та фотография не могла хорошо выйти: в комнате было слишком темно, а на улице слишком ярко.

- Ну ладно, я потом к вам зайду», - ещё раз сказал я. Уйгуры промычали что-то непонятное, пожали мне руку и ушли. Я остался один. Я долго сидел за столом, и смотрел на юани, то в окно на струйки дыма из домов, растянувшихся по сопкам, на белую степь и думал, что зря всё-таки я плохо подумал и о Сабуре, и об Азамате с Алимом, они неплохие ребята. Надо будет когда-нибудь сходить с ними в ресторан и хоть один раз заплатить за ужин. Спустя несколько дней, 31-го декабря, я вышел в город купить немного еды для своего холостяцкого праздничного стола. Сильно скучал по дому и эту новогоднюю ночь хотел побыть один. Впрочем, в гости ко мне никто и не набивался. В Китае просто никто не отмечает Новогоднюю ночь, и вся моя предновогодняя сентиментальность была непонятна окружающим меня китайцам. Я проходил по центральной улице и, дойдя до шашлычной Сабура, решил зайти и хотя бы поздороваться со старыми друзьями. На удивление в шашлычной было почти пусто, не пахло восточными пряностями, вместо уйгурских мелодий играла какая-то популярная тайваньская песенка. - А где уйгуры? - войдя, спросил я китайца, сидящего у дверей на табуретке, должно быть зазывала. - Ха..., уйгуры. Тебя они тоже надули? - хохотнув, съехидничал зазывала. - Что ты имеешь в виду? - удивился я.

- Что я имею в виду, что я имею в виду! Этот пройдоха Ван впихнул мне предприятие, которое за десять дней со дня открытия не принесло мне ни юаня прибыли!

- Ну, а где уйгуры-то? - опять спросил я.

- Если бы я знал, где эти мерзавцы, я бы вытряс из них всё до последней перчинки! Мерзавцы, продали мне мешок старой внутреннемонгольской зиры по цене синьцзянской, пройдохи!

Я понял, что здесь что-то произошло, и начал вежливо подробно расспрашивать огорченного хозяина шашлычной, который поначалу, было, показался мне зазывалой. Хозяин оказался хоть и озлобленным на всех и вся, но словоохотливым и рассказал мне то, что произошло за последнюю пару недель.

Однажды, еще по осени, он, уличный торговец шашлыком, угощал заведомо Вану в ресторане. Так делают все уличные торговцы. Горуправа обязана следить за соблюдением норм торговли и гигиены, и под этой маской все чиновники берут с торговцев мзду. Одним из таких нечестных на руку чиновников и был Ван. Ван в пьяном угаре пообещал за отдельную плату организовать этому шашлычнику хорошую шашлычную с хорошей репутацией и наработанной клиентурой. Вот почему, как я догадался, Ван и «посодействовал» Сабуру с арендой помещения. Уйгуры раскрутили место, Ван их выгнал и отдал помещение шашлычнику. А деньги поимел со всех - и с уйгуров за аренду, и с шашлычника за отдачу ему бойкого места. В детали я сильно не вдавался, не в этом суть была, просто я вдруг понял, что своих друзей я больше не увижу. Я вышел из шашлычной и почти бегом, пока ещё светло, побегал в китайскую часть города, на сопки. И ворота во двор, и дверь в дом моих друзей, как и всегда, не были закрыты. Я вошёл в давно нетопленный, уже полностью замороженный, доселе и так неуютный дом. Мне было понятно, что Сабур, Азамат и Алим здесь уже не живут. Я вышел за ворота и остановился в переулке в надежде встретить кого-либо из стариков - соседней и расспросить их, что же всё-таки произошло. Ждать мне пришлось недолго. Вскоре в переулке появилась старуха - соседка, а немного погодя и её старик, который всегда носил и выносил мясо из жилища уйгуров.

С самого появления в городке Сабур и двое его наёмных работников попали «под опеку» Вана. Благодаря его «опеке» у них не было оформлено надлежащим образом ни одного документа, позволяющего заниматься уличной торговлей. Работали они нелегально, и, оказавшись обманутыми, уже не могли просить защиты ни у полиции, ни идти в горуправу и жаловаться на Вана, которому они давали взятки, что, конечно же, уголовно наказуемо. Почему они не пошли законным путём и не начали торговать на улице согласно правилам, мне теперь не узнать. Наверное, им было проще дать взятку, чем бегать по учреждениям и оформлять все нужные для предпринимательской деятельности разрешения. А, может быть, этот самый Ван их нарочно заманил в свои сети: малограмотные деревенские уйгуры, за них здесь никто не будет заступаться. Как я понял из рассказа стариков, когда уйгуры догадались, что Ван их надул и шашлычную отдал им за большую плату лишь для того, чтобы они её раскрутили для кого-то другого, они всё-таки решили взять своё. Прикинувшись дурачком, Сабур опять пошёл на поклон к Вану, и тот под проценты «выбил ему кредиты» у других торговцев, которых он также заботливо «опекал» по всей центральной улице на покупки мангала, мяса, приправ, т.е. всего того, что нужно для продолжения торговли. Сабур и его напарники перепродали всё, прикупили немного подарков и скрылись. А скрылись они, наверное, вечером того дня, когда приходили ко мне вернуть долг. Теперь-то я понял, почему они были такими тихими, «нарядными» и почему Алим так хотел со мной сфотографироваться. Заняв Сабуру деньги, я долго переживал, что меня могут обмануть. Они, пострадавшие от чиновника-взяточника, могли бы убежать, не вернув мне долг. Иностранец, толком и не знавший их имён, вряд ли смог бы их догнать... Вот такое Чудо - по выражению Тукая - произошло со мной. Я задумывался над ним не раз. Может быть, это потому, что я с ними вместе был в мечети? Сколько лет прошло, а я помню их. Помню Сабура, говорящего мне "Ва, угощайся, брат! Очень хорошо, что ты пришёл!", помню молчуна Азамата, хлопающего меня по спине по дороге в караоке-бар, и, конечно же, Алима, с его, прижатой к сердцу, правой рукой.

...Нас, татар, разметало по всему белому свету. Во всяком случае в интернете можно прочитать о праздника Сабантуй, которые проходят в Хельсинки и в Аделаиде, в Париже и Нью-Йорке, в других самых неожиданных местах, может быть, даже и там, где живут трое шашлычников. И я уже не раз сменил страну и город проживания, но везде звучит у меня в душе мотив стихов Тукая от «Туган тел» до «Шурале», как верно подметил мой друг Хайдар в стихотворении «Рассеяние».

*Что ж стариков так мало я расспрашивал
Об ихней славной молодой поре -
Так мало знаю я про деда нашего,
Чтоб рассказать сегодня детворе.*

*А нынче все потомки так рассеяны:
И Хельсинки, и Франкфурт, Сидней, Рим...
Одни встречают жаркий день весенний,
Другие - ночь с дыханьем ледяным.*

*Меж нашими домами время сдвинуто.
Земной под нами в разном цвете шар.
Расчетвертована судьбой, располовинена
У нас в крови татарская душа.*

*Видать, всегда нам было в доме тесно:
Неведомый манил нас в жизни край.
Дай, Бог, чтоб в сердце сохранилась песня,
Которую сложил для нас Тукай.*

г. Сидней, Австралия

Булат Сулейманов

Булат СУЛЕЙМАНОВ (Бикбулат Валиуллович Сулейманов – 1938-1991гг.) – известный поэт, прозаик и пламенный публицист из сибирских татар родился в старинном татарском селении Супра Вагайского района Тюменской области. Образование получил в Казанском государственном университете и Литературном институте имени М.Горького в Москве. Всю жизнь и талант посвятил воспеванию жизни, древнейших народных традиций и обычаев сибирских татар. Неустанно пропагандировал устное народное творчество своих земляков и прелести родного языка.

Раннее летнее утро. Небо ясное, безоблачное. На улице свежо и прохладно. От Иртыша с полными ведрами на коромысле медленно поднимается молодая красивая женщина. Озаряемая ласковыми лучами утреннего солнца, она идет так, словно плывет в волшебной тишине: ни капли воды не выплеснется из ведер. Шаловливое солнышко играет, переливаясь разноцветными бликами то в коралловых камушках мониста на шее, то в туго заплетенных черных косах, то в зеркальных блюдах чистой воды, которую несет домой молодница. Естественную красоту и обаяние женщины дополняет белое ситцевое платье в цветочек, ладно сидящее на фигурке. Подождите, кто это?!

Э, глупыш, свою маму не узнает, уставился, как коза на новые ворота. Радостно закричав «ма-а-а-ма-а!», пулей бросаюсь вперед. Бегу, бегу, но нет, остаюсь на прежнем месте, а мама не приближается, наоборот, удаляется от меня. Собрав все силы, вновь кричу, что есть мочи: «Ма-а-а-ма-а!» Вдруг мама исчезла, слышу сквозь сон настойчивое: «Вставай... вставай же, говорю тебе!» Кто-то трясет меня за плечи, а я не могу разомкнуть ресницы: то ли склеились, то ли на веки положили тяжелый камень. Слышу все, а глаза открыть не могу...

– О, аллах, за что мне такие мучения на этом свете! Хоть бы земля поглотила, избавилась бы, наконец. Солнце давно встало, а он все дрыхнет. Только жрать горазд, арам тамак!

Проклятия сыплются на мою бедную голову одно за другим. Вскоре цепкие пальцы безжалостно впиваются в мои свалывшиеся длинные волосы, в оттопыренные от природы уши. Вот меня стащили на пол. Резкая боль в ушах помогла, наконец, разлепить веки. Передо мной, сверкая злыми глазами, словно разъяренная волчица, стоит Курманбика, жена старшего брата Абдуш-ака. Я низко опускаю голову. Мне стыдно за то, что так бессовестно долго спал, потом никак не мог проснуться. Мне страшно: вдруг она меня прогонит, куда я пойду, кто меня приютит? Я один. У меня никого нет, кроме нее, жинги. Отца не стало в самом начале войны. В наш дом пришла черная бумага: «Ваш муж Камиль Янсуйфин погиб героической смертью в борьбе с немецкими захватчиками». Потом умерла мама. Единственный брат Абдуш на фронте. Ласковую, милую, улыбочивую Курманбику жинги словно джинны подменили. А какая она была раньше добрая, когда брат был дома. То конфетку припасет, то пряником угостит. Теперь у нее нет даже времени присесть, поговорить со мной. Жинги на расвете уходит на работу, а возвращается с заходом солнца. Она так выматывается за день, что у нее не остается сил ни покушать, ни раздеться. «Сильно устала сегодня,

прилягу», – обычно говорит она и тут же засыпает мертвецким сном. Да разве одна жинги так?! Раньше люди были веселые, приветливые, жизнерадостные, а сейчас? У кого сына, у кого мужа, у кого отца отняла эта война. Многие в эти годы изменились. Даже я уже не прежний Валиш... Жинги в последнее время стала такой вспыльчивой и раздражительной? Уже два месяца, как перестали приходить письма от Абдуш-ака.

– Ну, что стоишь как столб? Иди, проводи Маньку на пастбище. Да смотри, чтоб на ту сторону Дувана отвел. На обратном пути прихватишь хворосту, слышишь меня! Печку нечем топить... Наконец, слова Курманбики жинги дошли до меня, я окончательно проснулся. Да я готов выполнить любое поручение! Прикажи мне выкопать иголкой колодец, перетаскать весь Иртыш в решете, все исполню, только не выгоняй меня из дому! Так ежедневно начинается мой трудовой день. С утра гоню корову Маньку на пастбище. Потом бегу в школу, учусь я в четвертом классе. После школы таскаю из лесу сухие ветки или, по поручению бригадира, иду на колхозный ток, чтоб погонять лошадь на молотилке. До самой зимы бегу на подхват, пока земля не покроется толстым слоем снега.

...Заря еще только занималась. Я выскочил из дому, словно совершил прыжок в ледяную воду. Босые ступни ног коснулись начинающей замерзать земли. Все мое тело пронзил холодный воздух. Это было дыхание приближающейся зимы. Я выгнал Маньку из теплого хлева, она послушно направилась в сторону Дувана. Мои старенькие залатанные штаны и рубашонка не спасают от стужи. Зубы выбивают мелкую дробь, стучат, как маленькие железные молоточки, разбивающие речную гальку. Ногам больно так, словно я иду по колючей проволоке. А в голову лезут нехорошие мысли...

В прошлом году в село приезжал командировочный, он хотел забрать меня в детский дом – хорошо, жинги не отдала. «Валиулла для меня как родной сын», – вежливо сказала Курманбика, провозжая нагрывнувшего, как снег на голову, непрошеного гостя. Умные слова жинги греют мою душу до сих пор. Но что будет в этом году? Этот дядька вновь придет, теперь уж меня точно отдадут, надежды никакой нет. А ведь я из родной деревни Козоклы никуда не хочу уезжать. С поникшей от тяжелых мыслей головой вышел за околицу. Оглянулся. Серебристую скатерть инея прочертила черная извилистая нить: цепочка следов от моих босых ног и манькиных копыт. Деревня просыпается. В утренней тишине изредка доносится кукареканье, лай собак, мычанье коров. Из печных труб некоторых домов вьется жиденькая струйка дыма, незаметно растворяясь в вышине. Желто-бурые стебли трав, покрытые блестками инея, беспомощно расстилаются по земле. Наконец, дошли до пастбища, Манька свободна. Небольшое стадо пасет сельский пастух, который вот-вот должен подойти. Желая хоть немного согреться, взбираюсь на пенек, сажусь на корточки, обхватив руками колени. Пальцы ног стали похожи на скрюченные стручки красного перца, которые у мамы росли на подоконнике в горшке. Зябко, никак не могу согреться, дрожу на своем пенечке, как осенний лист, не успевший оторваться от дерева. От этого места начинается лес или урман, как говорят сибирские татары. Старые толстые ветлы, как сказочные Алып батыры, в тихой задумчивости стоят на возвышенностях, словно готовятся отразить нападение неприятеля.

– Солнышко, солнышко, взойди скорей, – мысленно умоляю, протягивая к востоку окоченевшие ладони. О, чудо, оно меня услышало! Пламенные острые стрелы из-за стены дальнего леса устремляются в небо. Кажется, там уже вспыхнул большой пожар. И вот, весело смеясь надо мной и моей бедой, медленно выкатывается само красно солнышко. Оно ждало моего приглашения? Зажмурившись, я с удовольствием подставляю лицо теплым лучам утреннего солнца. Оно мягко прикасается к моим щекам, замерзшим губам, нечесаным волосам. Мне показалось, это мама погладила меня по голове. Деревья-великаны тоже встрепенулись, обрадовавшись теплу. Наверное, они собрались встречать не лютую зиму, а ласковую весну. Жемчужные искорки инея, сверкающие на солнышке, словно коралловые бусы на шее моей мамы, превратились в капельки прозрачной влаги. Чу, кажется идет пастух Айтук-бабай. Спиной чувствую его приближение, но поворачиваться не хочется.

Положив голову на колени, я сижу неподвижно, вспоминая маму, последние минуты ее жизни... В тот день я вернулся домой поздно. Отворил дверь, положил вязанку хвороста возле печи. В комнате темно, холодно. У входа стоит деревянная кровать, на которой лежит тяжело больная мама. Уже много месяцев она сильно кашляет, ничего не ест. Быстро сбегал к соседям за угольками. Сухие ветки вспыхнули в печи, как солома, приятные волны тепла от железной плиты плавно растекались по всему дому. Засветил «слепую», без пузыря, семилитровую лампу, стоящую на столе. Мрак темноты немного отступил. Оказывается, мама не спала. Удушливый кашель не давал ей говорить, она с трудом произнесла: «Сынок, почему долго?»

Сказать маме правду? Целый день с друзьями играл в лесу, ел печеную на костре картошку?

– Мама, поблизости не было сухих веток, мы ходили за ними далеко в лес, – чуть слышно сказал я. Мне было стыдно. Я впервые обманул маму, так не хотел расстраивать.

– Зачем зажег лампу, керосина нет...

– Сейчас... Только сделаю домашнее задание по арифметике, – быстро пробормотал я, чувствуя, что говорю не то (раньше уроки всегда выполнял после школы).

Мама, задыхаясь, снова стала надсадно кашлять. Налив из жестяного чайника воды в кружку «пятилетку», я протянул ее маме. Мама попила, кашель унялся, но при каждом слабом вздохе что-то клочкотало у нее в груди.

– Вот... что-то стоит в горле, не проходит. Иди, сбегай к Бике-мамай. Пусть скорее идет сюда...

Бабушка Бика была дома. Когда мы с ней прибежали, я уже был круглый сирота... Глаза мамы неподвижно глядели в потолок, изо рта на подушку вытекла тоненькая струйка крови. При каждом воспоминании о маме память вновь и вновь высвечивает только эту щемящую до слез печальную картину...

Слышу, Айтук бабай приблизился ко мне, остановился. Тихонько кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

– Сынок, ну что ты так сидишь, почему не идешь домой? Холодно, ты весь посинел уже. Я не ответил, мне не хотелось расставаться с мыслями о маме.

– Эх, сынок, сынок, была бы жива твоя мама, все бы у тебя было по-другому. Хоть бы эта проклятая война кончилась, о, аллах...

Бабай снял свой выдавший виды бешмет, испещренный разноцветными лоскутками заплат, прикрыл мои худые озябшие плечи.

– О, всевышний, о, аллах милостивый, – горестно повторил он. – Была бы жива мама... – тяжело вздыхая, дотронулся до плеча сухими измороженными руками с выпирающими синими жилами.

Не знаю, что произошло со мной... Эти жалостливые слова Айтук-бабая, этот теплый старый бешмет, заботливо накинутый на мои сиротские плечи так растопили мою исстрадавшуюся душу? Горло сдавил комок, из глаз вот-вот предательски брызнут слезы. Как дикий олененок, отбившийся от стада, сиганул с пенька прямо в заросли леса. Не помню, сколько прошло времени, я шел, не разбирая дороги, ничего не видя, продираясь сквозь ветви, царапающие лицо и руки, запинаясь о коряги, пока, потеряв равновесие, не упал... Я уткнулся лицом в кучу мягких опавших листьев и беззвучно зарыдал. Из моих глаз лились слезы накопившихся обид, унижений, горечи, которые впитывала в себя старая шуршащая листва.

«Мама! Почему тебя нет со мной... Мама! Никому я на этом свете не нужен... Мама! Я давно не называл тебя «мама»... Мама! Где ты... ма-ма...» Тихо. Губы шепчут «ма-ма», а мамы нет... Оперся кулаками о стылую землю, приподнял голову. В лесу тихо. Низкие темные тучи, похожие на тяжелые льдины во время ледохода, плывут в неведомые мне края. Деревья, растерявшие былой летний наряд и красоту, беспомощно покачивают верхинками, слушая мой горестный монолог. Стоят, протянув к осеннему солнцу костлявые руки-ветви, словно просят вернуть утраченную молодость.

Собравшись с силами, повторил громче: «Ма-а-ма-а!» Никто не откликнулся. Нет мамы. Не услышит мой голос, не поспешит ко мне, не погладит мягкими руками мои волосы, не поцелует мой лоб, мои глаза... «Ма-а-ма-а!» Гулкое эхо, обогнув все дальние уголки леса, вернулось ко мне ни с чем. Обнимая землю с опавшими желтыми листьями, я вновь заплакал...

Нет, я не плакал... Я на веки прощался с детством...

Перевела **Ханиса Алишина**
г. Тюмень

Ульсияр Уксанова

Останови, Земля

Увидела тебя я в звёздной дали,
А имя прочитала в небесах.
Сама искала и сама узнала,
Быть может, и влюбилась в тех лучах?

Из-за тебя в огне, бросай и в воду,
Пусть закаляет и меня любовь.
Меня мечта взметнула к небосводу,
Пусть и тебя она лишает снов.

Процаемся, как будто улетаешь,
Ещё чуть-чуть и мы сойдём с орбит.
Успеем ли хоть в чувствах разобраться,
Когда так тает времени лимит?

Пора уже пора...
Душа в смятенье,
Из глаз вот-вот сорвётся и слеза.
Останови, Земля, своё вращенье,
Когда друг другу смотрим мы в глаза!

Я – женщина

Я в жару вознеслась в небо тучей,
Капли влаги роняю на цветы.
Эй, кто жаждой сегодня измучен? –
Дождь для вас – воплощенье мечты.

Поднимаюсь травой зелёной,
Вылезаю из почки ростком.
Эй, чьи ветви, проснувшись весною,
Ощутили, что иней кругом?

Алой зоренькой утром взойдя,
Согреваю как солнце кого?
Все поэтом меня величают,
А я – женщина, прежде всего!

* * *

Боже, взмой мою ты душу
В небеса, иль наземь брось!
То взлететь хочу, но пуцце
Я с Землёй боюсь быть врозь.

Крона всё же тянет в Небо,
Корни приросли к Земле.
В небесах ли моё эго
То, что снится и во сне?

Сердце бьётся учащённо,
Мысли рвутся в небеса.
Небо шлёт мне потаённых
Предков давних голоса.

На Земле мои творенья,
Здесь любовь, тоска и грусть.
Между Небом и Землёю
Я их вечным притяженьем
Восторгаюсь и мечусь...

Обмануть себя

Хочу я обмануть сама себя,
Меняя образ свой,
И встретит новую весну любя
Одна, – сама с собой.

Поверю, что лучи моих очей
Теперь не загустят,
Мелодии твоих стихов, речей
В душе не зазвучат.

Хочу поверить, понарошку пусть,
В твою любовь всерьёз.
Не побегу, чтоб встретиться на путь,
Узнав, что ты идёшь.

В стихах моих грусть больше не слышна,
Терплю и слёз не лью.
Не поет сердце, не болит душа,
Я больше не скорблю.

Хочу поверить в солнечный я свет,
В спокойную звезду.
Хотя покой не явится, и мне
Не изменить судьбу.

Когда в душе тоска

Когда в душе тоска, ту пору
Несчастной я не назову,
Ведь я на свет явилась, чтобы
Счастливой быть и наяву.

Когда желты деревья кроны,
Скажу, что грусть моя светла,
Ведь я на свет явилась, чтобы
Любовь моя здесь расцвела.

Заря моя восходит часто
Объятая алой красотой,
Ведь я на свет явилась, чтобы
Надежда ладила со мной.

Щемит порой мне душу что-то,
Но всё равно счастлива я.
Ведь я на свет явилась, чтобы
Узнать, как им любима я.

Объятая печалью

Ищу пока, ищущую я песню...
Мелодия, созвучная душе,
Летает рядом очень важной вестью,
Но улетаёт ввысь на вираже.

Явилась в мир объятая печалью,
Скучая по Земле, я родилась,
А песня моя узоров яркой шалью
На лес осенний, может, улеглась.

Порой и шумом листьев напевает,
Восходит веешней почкой с бахромою.
Снежинки белой музыкой летая,
Поют о жизни светлой, но иной.

Приснилось летом, – на моём окошке
Узором снежным вдруг расцвёл цветок.
Моя ли песня белою ромашкой
Накрыла луг, как вышитый платок?

Мелодия бывает безголосой,
Её услышат только облака...
Меня Зухра, сгоревшая в любви,
Поймёт, – её душа моей близка.

* * *

На небе крик тоскливый журавля, –
Отставившую свою он пару ищет.
Волна на море ищет,
Ветер свищет,
Обширивая сжатые поля...

Как журавли, ветра –
И человек,
Порой он ищет пару
Весь свой век.

Переводы Ирека Гатина

Пророк МУХАММАД (салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Покажи все, что имеешь (и умеешь), чтобы узнали тебя.

Никому не стоит завидовать, кроме двоих: (первому) тому, кому Бог дал богатство, и он расходует его за богоугодные, дела и (второму) тому, кому Бог дал мудрость, и он судит (в делах) этой мудростью и просвещает людей.

Тот, кто умножает свои знания, но (при этом) не очищает свой нрав, всего лишь умножает расстояние между собой и Богом.

Пророк сказал: «Будешь со мною в Раю при нескольких условиях: если будешь держать язык от злословия и лжи, очистишь сердце от злости и зависти, закроешь глаза к запретному и не обидишь ни одного мусульманина».

Небеса, и земля, и ангелы днем и ночью просят благословение для троих: ученых, ищущих знаний и щедрых.

Отцы бывают трех (типов): тот, кто стал причиной твоего сотворения, тот, кто женил тебя (отец жены) и тот, кто научил тебя знаниям.

Двум парам глаз нет опасения от адского огня: первые — те, что в ночи в слезах из-за боязни от Божьего гнева, и другие — те, что бодрствуют на посту в богоугодных целях.

Двум нравам нет места в сердце мусульманина: зависти и развратничеству.

Аллах дружит с судьей, пока он не допускает несправедливость, а как допустит это — Аллах оставит его, а сатана примкнет к нему.

Три вещи усиливают память: зубочистка, пост и чтение Корана.

Есть три вида рук: берущие, дающие и хранящие. Самые лучшие из них — дающие.

Научитесь трем вещам у вороны: совокупляться втайне, утром рано выходить за своей добычей, избегать врагов.

Украшений мира (сего) — три: имущество, дети, жена. Украшений мира того — тоже три: — знание (богоугодное), воздержание от грехов (чистота нравов) и милостыня. Украшения тела: мало есть, мало спать, мало говорить. И украшения сердца: терпение, молчание, благодарность.

Три группы вне опасности от зла сатаны: те, которые днем и ночью думают о Боге, те, которые в полночь просят прощения (от Бога), и те, которые плачут от страха (Божьего гнева).

Сахл Бин Саад говорит: некий мужчина подошел к Пророку и сказал: «Научи меня такому делу, чтобы стать любимым Богом и народом». Пророк сказал: «Отрекись от (благ) мира сего, чтобы стать любимым Богом, и не привязывай сердце к имуществу других, чтобы народ любил тебя».

Пророк (с), обращаясь к Хазрат Али (да будет доволен им Аллах) сказал: «Али, отношение между мною и тобой похоже на отношение между Мусой (а)1 и Хоруном (брата и наместника Мусы (а)). Разница только в том, что после меня не будет другого Пророка. Я дам тебе несколько рекомендаций. Если будешь пользоваться ими, будешь жить достойно и умрешь святомучеником и в Судный День поднимешься как ученый и законовед. Так знай, что у верующего есть три признака: пост, молитва и милостыня. У лицемера тоже признака три: говорит лживые слова, не исполняет своих обещаний, присваивает (злоупотребляет) доверенные ему вещи и не действуют на него наставления.

Кающийся имеет три признака: избегает грехов, старается приобрести знания и не возвращается (после каения) к грешным деяниям подобно тому, что молоко обратно не входит в грудь.

Есть три признака умного: отсутствие привязанности к имуществу, выносливость при жестоких обращениях (к нему) и терпение в трудностях.

У выносливого признаков три: завязывает (дружественные) узы с теми, кто отворачивается от него, делает добро тому, кто лишает его (чего-нибудь), не жалуется на жестокость.

Глупец имеет три признака: лень при исполнении божественных обязанностей, издевательство над слугами Божьими, многословность вне случая зикра (упоминание о Боге).

Знаков достойного мужа три: благочестивыми деяниями исправляет свои отношения с Богом, совершенствует свою веру через (освоение) науки, и то, что предпочитает для себя также предпочитает и для других.

У неблагочестивого (неверующего) три признака: сеет бесчестие, приносит вред народу, отходит от прямого пути...

Ученый имеет три признака: правдивость, избегание запретного, скромность в отношении ко всем.

У хорошего друга признаков три: в расходах (совместных) опережает тебя, как щит использует свой авторитет для защиты твоей чести, не жалеет свою жизнь для спасения твоей жизни и не раскроет твои тайны (секреты).

Бог стыдится вернуть пустыми поднятые к нему руки.

Три вещи (остались) как традиция от Пророков: чистота и благочестивость, брак, избегание грехов.

Три вещи делают дружбу сердечной и бескорыстной: указать другу его пороки, в его отсутствие защищать честь его и в трудности помогать ему.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета.
Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана, член Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за распространение газеты
Ахат Мухамедов

Маргарита Небольсина, старший научный сотрудник Музея-мемориала Великой Отечественной войны

Порой даже коренные жители Казани не знают о существовании нашего музея, не говоря уж о приезжих. Да и экскурсоводы со своими туристами не сильно балуют нас своим посещением. Возможно, это связано с тем, что гости приезжают в Казань развлечься, увидеть что-то необычное, яркое, впечатляющее... Тема войны - слишком серьезна для отдыхающих. О ней стараются не вспоминать, не думать... К нам приходят те, кому это важно. Нужно. Интересно. И нам, действительно, есть, что им рассказать и показать.

Нашему Музею-мемориалу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Национального музея Республики Татарстан, находящемуся в Кремле, в этом году исполнилось 13 лет. Он распахнул свои двери 4 мая 2005 года накануне 60-летия Великой Победы советского народа.

Музей посвящен боевому и трудовому подвигам наших земляков, вкладу каждого его жителя в дело Великой Победы. С первых дней войны Татарстан превратился в настоящую кузницу боевых резервов для Красной армии. Из республики на решающие участки фронта было направлено 7 стрелковых дивизий, 91-я отдельная танковая бригада, 37-й зенитно-артиллерийский полк, 202-я бомбардировочная авиационная дивизия им. Верховного Совета ТАССР и другие воинские формирования.

Сыны и дочери нашей республики участвовали во всех решающих сражениях Великой Отечественной войны. В действующую армию из республики было призвано около 700 тысяч человек. 365 тысяч погибли, защищая свободу и независимость нашей Родины. Их имена занесены в 28-томную Книгу Памяти.

185 жителей нашей республики стали Героями Советского Союза: Сабир Ахтямов, Петр Гаврилов, Газинур Гафиятуллин, Никита Кайманов, Борис Кузнецов, Гани Сафиуллин и другие. Трех орденов солдатской Славы удостоились разведчики Даян Булатов и Рифкат Гайнуллин, артиллеристы Каюм Забаров и Николай Зотов, танкисты Рустам Хамитов и Павел Михеев. 26 человек повторили подвиг Александра Матросова и Газинура Гафиятуллина. Шесть летчиков совершили воздушные и огненные тараны.

Татарстанцы зарекомендовали себя не только мужественными и отважными бойцами, но и отличными военачальниками. Война раскрыла полководческий талант генералов армии Леонида Говорова, Александра Кирсанова, Ивана Конева, Михаила Кирпоноса, Дмитрия Карбышева, Гани Сафиуллина.

Оценивая подвиги воинов республики в дни войны, Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский писал: «Я, как старый солдат, много видел на фронте бойцов и командиров-татар и всегда восхищался их непреклонным упорством, железной волей в бою. Этот народ снискал к себе уважение за выдающееся мужество...»

В годы войны Казань стала городом первой степени секретности. В город были эвакуированы 70 крупных оборонных предприятий из западных и центральных регионов страны.

Снаряды и взрыватели, патроны и бомбы, авиационные приборы и парашюты, самолеты, десантные суда, бронекатера и бронепоезда, средства связи, обмундирование и обувь, искусственный каучук и кетгутная нить – всего свыше 600 наименований изделий, обеспечивающих потребности фронта, производил Татарстан в те годы. Предприятия, выпускавшие гражданские изделия, переключились на выпуск необходимой военной продукции. Фабрика киноплёнки им. Куйбышева (ПО «Тасма») начала производство новых видов авиационной плёнки. Завод «Серп и молот» освоил выпуск металлорежущих станков. Большие военные заказы получили заводы искусственной кожи, пишущих машин, комбинат «Спартак». Меховой комбинат наладил производство шапок-ушанок, рукавиц, унтов, шлемофонов для воинов, Казанский льнокомбинат переключился на пошив курток, плащ-палаток, шинелей, рукавиц, гимнастеров для бойцов и многое другое.

Эвакуированный Ленинградский авиационный завод № 387 через 8 дней после прибытия в Казань начал выпуск биплана У-2 – за годы войны было изготовлено более 11,5 тысячи самолетов, которые использовались как ночной бомбардировщик. Советскому кинозрителю самолет У-2 (По-2) известен по фильмам «В небе «Ночные ведьмы», «В бой идут одни «старики». Именно на таких «рус фанер» летали летчицы 46-го гвардейского Таманского ночного бомбардировочного авиационного полка, названные фашистами «ночными ведьмами». Среди них была и наша легендарная Магуба Сыртланова – Герой Советского Союза, которая «сбросила по уничтожению войск противника 140 тонн бомбового груза. В результате точных бомбовых ударов в стане врага было вызвано 128 сильных взрывов, 85 очагов пожара, уничтожено и повреждено 2 переправы противника, 2 ж.-д. эшелона, взорван склад с горючим, уничтожено 3 арт. батареи, 2 прожектора и 4 автомашины с горючим».

Музей-мемориал Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. состоит из четырех залов, в которых представлено 573 экспоната, 491 экспозиция, 82 элемента оформления. Здесь можно увидеть личные вещи и предметы быта, образцы военной продукции, документальные и изобразительные материалы, нумизматические коллекции.

Особую историческую и культурную ценность представляют личные вещи Героев Советского Союза Г. Сафиуллина, Ф. Булатова, М. Сыртлановой, шинель З. Власовой, сшитая самостоятельно из английского сукна, письма с фронта и шинель известного татарского поэта Ф. Карима, присланная с фронта его однополчанами, трофейное и советское оружие и т.д.

Большой интерес у посетителей вызывают также документальные (газеты, книги, листовки и др.), изобразительные материалы и нумизматическая коллекция, а также материалы студенческого движения «Снежный десант», поисковой организации «Отечество», республиканской организации ветеранов Великой Отечественной войны, редакции «Книги памяти».

Немалый интерес представляет и само здание, в котором расположен Музей – мемориал Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (галерея «Хазинэ»).

В XVIII веке на его месте находился Троицкий монастырь, а позднее в XVIII—XIX веках — арсенал и артиллерийский двор, где находился один из крупнейших в России пушечных заводов, изготавливались новые пушки и части к ним, ремонтировались поврежденные, привозимые из армии. Но в 1815 году вспыхнувший в Кремле пожар разрушил карьеру стремительно развивающегося оружейного завода.

Таким образом, открытие Музея Великой Отечественной войны именно здесь, в здании с многолетним военным прошлым, мне кажется, вполне логично.

Большой интерес вызывают у посетителей музея литературно-музыкальные композиции, приуроченные к различным юбилейным и памятным датам: «От Советского Информбюро», «Татарстан – Сталинграду», «Разорванное кольцо» и т.д. С большим удовольствием в организации наших мероприятий участвуют школьники лицея им. Н. И. Лобачевского (директор Т. Беспалова), гимназии № 35 (директор Е. Глухарева), лицея № 78 «Фарватер» (директор А. Урманчеева), курсанты Казанского юридического института МВД России (начальник Ф. Зиннуров), учащиеся Малой академии искусств (директор Л. Гурьянова) и др.

Наш Музей-мемориал, рассказывающий о Великой Отечественной войне и участии в ней жителей нашей республики, специфический. Он заслуживает особого внимания. Специфика музея определяется его военно-историческим профилем. Это просветительский музей, дающий посетителю представление о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., героизме его земляков в годы тяжелых испытаний, трудовом подвиге стариков, женщин и детей на полях, заводах и фабриках. История Татарстана в годы войны представлена через судьбы ее жителей: снайпера Анатолия Чехова, танкиста Петра Савинова, писателя Аделя Кутуя, группы Курмаша-Джалилия и многих-многих других.

Говоря о нашем музее, нельзя не сказать о многогранной деятельности нашего заведующего – Михаила Черепанова. Один из создателей 28-томной книги «Память» Республики Татарстан о погибших в годы Второй мировой войны, 19 томов Книги памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан, книги «Герои Казани», в которую вошли очерки о судьбах кавалеров Георгиевского креста, кавалеров ордена Красного Знамени времён Гражданской войны, Героев труда 1920-х годов, Героев Советского Союза, Героев Соцтруда, Героев России, Героев Труда России, полных кавалеров ордена Славы и Трудовой славы, и др. Создатель электронной Книги Памяти Республики Татарстан (списка уроженцев и жителей Татарстана, погибших в годы Второй мировой войны) и др. Соавтор концепции виртуального музея «Татарстан – Отечеству».

Участник более 70 поисковых экспедиций по захоронению останков солдат, павших в Великой Отечественной войне (с 1980 года), член правления Союза поисковых отрядов России.

В течение 22 лет Михаил Валерьевич является руководителем учебно-поискового лагеря, который работает в районе мемориала Невский пяточок.

За эти годы поисковики Татарстана опознали с помощью коллег из других регионов России уже более 50 земляков. Всего же, судя по архивам, незахороненными остались ещё более 50 тысяч защитников Невского плацдарма, среди которых почти 6 тысяч татарстанцев. На сегодняшний день выяснены места гибели 18 211 уроженцев и жителей Татарстана, погибших на территории нынешней Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга с 1939 по 1944 годы.

Музей ждет своих посетителей - детей, школьников, молодежь.

Ждет вас - читателей вашей замечательной газеты, преподавателей, руководителей школьных музеев и советов ветеранов, представителей студенческих и военно-патриотических объединений, образовательных учреждений, молодежных организаций, общественников, профессионалов, любителей – всех неравнодушных и всех желающих.

Мы всегда открыты к диалогу и сотрудничеству.

г. Казань

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».
Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

Адрес редакции:
115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
01. 09. 2018
Отпечатано в типографии
ООО «Фолук Групп».
Тираж 15 000 экз.